

ГАЛИМДЖАН ШАРАФ

К ВОПРОСУ
О ПРИНЯТИИ ДЛЯ ТЮРКСКИХ НАРОДНОСТЕЙ
ЛАТИНСКОГО ШРИФТА

Отд. оттиски из № 5 „Вестника Научн. О-ва Татароведения“.

Татарская Соц. Сов. Республика
Казань — 1926 г.

Главлит ТССР № 959. Казань. 1926 г. Тираж 2000 экз.

1-я гостипография «Красный Печатник», Казанская, д. 9.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	Стр. VII
I. Введение	1

Современная письменность у большинства тюркских народностей. Особое положение чувашей и якутов. Вопрос о переходе к арабской системе. О более мелких „бесписьменных“ народностях. О тюркских народностях со значительной письменной культурой. Что означает замена шрифта. Методы быстрого и постепенного перехода при замене. Общественное значение и обще-тюркский характер вопроса.

II. Метод разбора вопроса	6
-------------------------------------	---

Значение шрифта, как средства передачи мысли. Исходные пункты для сравнения прямых качеств различных систем шрифтов с точки зрения НОТ. Момент культурных ориентаций. Отличительные особенности арабской и латинской системы шрифтов. Исходные материалы для сравнения.

III. О запасе графем-букв	9
-------------------------------------	---

Запас графем-букв для изображения гласных и согласных звуков тюркских языков в арабской и латинской системе шрифтов. Вопрос о пополнении новыми недостающими знаками. Современная орфография у северных и южных тюрков. Недопустимость смешивания вопросов орфографии с вопросом о шрифте. О некоторых „заклчениях“.

IV. Удобство и быстрота чтения	12
--	----

Законы процесса чтения. Некоторые психологические наблюдения над зрительными восприятиями. Сравнение латинской и арабской системы шрифтов с точки зрения процесса чтения печатного текста. Опыты по выяснению сравнительной скорости чтения. Сравнительная гигиеничность для глаз. Раздельность и слитность печатных шрифтов. Сравнение систем с точки зрения чтения рукописного текста. О заглавных буквах и их значении для процесса чтения. Вопрос о красоте шрифта.

V. Удобство и быстрота письма 18

Основные моменты процесса письма. Аналогия со словопроизношением. Механичность процесса письма и связанный с ней метод исследования. Направление движений и строк в арабской и латинской системе. Когда и почему в латинской системе установилось письмо слева направо. Качество и количество движений в обеих системах. Вопрос о точках. О писании цифр и математических формул. Пишущие машины. Стенография.

VI. Обучение грамоте 27

Сущность процесса обучения грамоте и его связь с процессами чтения и письма. Аналогия между обучением чтению и развитием устной речи у детей. Исходные моменты звукового и американского методов обучения грамоте. Существует ли особый процесс чтения у детей? О значении неслитности печатных букв для обучения чтению. Процесс обучения письму и чтению рукописного текста. Вопросы орфографии при обучении грамоте. Сравнение арабской и латинской системы с точки зрения обучения чтению, письму и орфографии по методам звуковому и целых слов.

VII. Полиграфическая техника и основы реформы арабского шрифта 34

Первое приспособление арабских шрифтов венецианцами к типографии; неудачные моменты этого приспособления. Ревизия и реконструкция этого приспособления, начавшаяся в связи с культурно-политическим возрождением народов Востока. Различные стадии реформы. Принципы и границы реформы. Латинская система и полиграфическая техника. Препятствия к использованию готовой техники. Сравнение различных стадий развития арабской системы с современными латинскими шрифтами с точки зрения различных моментов полиграфической техники и экономической выгоды.

VIII. О международности шрифта и политическая сторона вопроса 48

Идеографические и звуковые элементы нашего письма; значение международности в первом и втором случае. О перспективах установления международного языка и письменности. Значение общности шрифта для родственных языков. Вопрос о „революционности“. О культурной ориентации на Запад. Политический анализ вопроса и вопрос о крестьянстве. О судьбах Японского комитета „по введению латинского алфавита“.

IX. История и корни латинизма,	55
--	----

Сторонники „латинизации“ арабского шрифта и сторонники принятия самого латинского алфавита. Ф. Ахундов и его исходные позиции. Латинизм и романтизм. Сторонники латинизации арабского шрифта в России и Турции. Сторонники принятия русского и других шрифтов. Латинизм в Азербайджане во времена мусаватистов и позже. Латинисты у других тюркских народностей. Исходные моменты латинизма в последние годы. Перспективы латинизма. Литература латинизма.

X. Общие выводы	62
---------------------------	----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основной целью настоящей работы является установление методологии научно-общественного разбора вопроса о перемене системы шрифта, а также выяснение исходных моментов для сравнения объективных качеств шрифтов различных систем и соответствующее сравнение арабской и латинской систем применительно к тюркским языкам. Точной же оценкой сравнительных качеств этих систем мы не задавались; таковая оценка потребовала бы значительного количества массовых опытов по всем моментам сравнения, для чего мы среди тюркских народностей пока не имеем достаточного количества лиц, имеющих вполне установленные навыки по латинской системе. В своих частичных же опытах мы должны были в целях сравнения прибегать к текстам на русском языке, что в некоторой степени нарушало точность результатов опыта. Предварительный теоретический анализ исходных моментов, долженствующих влиять на результаты опытов, а также яркая характерность их результатов — все же дают нам возможность приводить наши опыты в качестве иллюстративного материала. Так как приводимые опыты являются довольно простыми, и всякое лицо, знакомое с нормальной постановкой подобных опытов, легко сможет повторять их, то мы здесь не привели подробного описания самих опытов.

В этой работе под словом „шрифт“ мы подразумеваем не только шрифты типографские, но и рукописные начертания соответствующей системы. В аналогичном смысле часто употребляется слово „алфавит“, но понятие алфавита, как видно из морфологической конструкции этого слова, указывает в первую очередь на порядковый состав букв; с другой стороны, понятие о том или другом алфавите указывает на совокупность только тех буквенных знаков, каковые употребляются в письменности данного языка; так, алфавиты французский и польский, или арабский, персидский и татарский, имея общую систему шрифта, все же несколько отличаются между собой, как по количеству и порядку, так и по звуковым значениям некоторых букв. Для наших же целей необходимо было исходить от всей системы шрифта, не ограничивая количество буквенных знаков и обозначаемых ими звуков.

В последние годы некоторые тюркологи отказываются от терминов „тюрк, тюркские языки“ и т. п., вводя вместо них слово „турк,

турецкие языки“ и т. д., оставляя для населения Турции термины „османцы, османский язык“. Но сами турки, в связи с последней революцией, определенно отказываются от термина „осман“ или „оттоман“; вводимые же некоторыми тюркологами термины „анатолийские турки“, „язык анadolu“—мы считаем искусственными, поскольку невозможно переименовать Турцию в „Анадолу“, турка в „анатолийца“ и т. д. Из форм „тюрк“ и „турк“ в их русской огласовке ни одна вполне не соответствует произношению этого слова в самих тюркских языках; но такая дифференцированная огласовка, с употреблением первой для всех тюркских народностей вообще и второй—для тюрков Турции, имеет свои практические удобства. Поскольку термины являются вещью условною, постолько такая условность допустима и в данном случае. В самих же тюркских языках, если слово „турк“ передавать в виде „تۈرك“, то „тюрк“ можно было б передавать хотя б в виде „تۈركمى“ или „تۈركمى“ в зависимости от диалектов, каковое употребление и на практике встречается. Употребление же вместо „тюрк“—длинного термина „турецко-татарский“ мы считаем невыдержанным, ввиду присвоения целому составного термина, исходящего от наименования только двух его частей.

Приведенные на стр. 43, 45, 46 и 47 фотографические снимки с последнего проекта реформы арабских шрифтов являются попыткой только теоретического разрешения вопроса. Лучшее их техническое исполнение является задачей соответствующих технических специалистов по гравюре и каллиграфии.

Тезисы к настоящей работе были оглашены автором на Всесоюзном Тюркологическом съезде в Баку в марте 1926 г. Настоящая работа является несколько сокращенным переводом автора из приготовленного им к печати соответствующего полного текста на татарском языке.

В заключение считаю долгом выразить глубокую признательность своему многоуважаемому учителю Профессору В. Я. Богородицкому за просмотр рукописи и сделанные им замечания.

Май 1926

Г. Ш.

I. ВВЕДЕНИЕ.

Современная письменность у большинства тюркских народностей. Особое положение чувашей и якутов. Вопрос о переходе кряшен к арабской системе. О более мелких „бесписьменных“ народностях. О тюркских народностях со значительной письменной культурой. Что означает замена шрифта. Методы быстрого и постепенного перехода при замене. Общественное значение и обще-тюркский характер вопроса.

Более 90% населения всех тюркских народностей земного шара в качестве письменности родного языка пользовались столетиями, пользуются и теперь арабской системой шрифтов. Многие из них, как турки, татары Поволжья и Крыма, азербайджанцы, узбеки и казак-киргизы, на основе этой письменности создали довольно богатую для их численности национальную печать, литературу и вообще культуру; некоторые из них, как татары Поволжья, имеют среди всей массы населения до 20—25% грамотных по этой письменности, что при их экономическом положении и политических условиях существования до революции является весьма значительным процентом грамотности.

Остальные же 7—8% тюркских народностей—чуваша, якуты, некоторые мелкие тюркские народности Сибири и крещенные татары (кряшены)—пользовались несколько измененными русскими шрифтами, перешедшими к ним от русских совместно с православием. Из них чуваша, якуты и мелкие тюркские народности Сибири (уряньхайцы, кузнецкие и абаканские татары и т. п.) обособлены от остальной массы тюркских народностей в отношении религии и географического расположения; и по языку они настолько отличаются от остальных, что здесь говорить о взаимном пользовании письменной культурой не приходится. Незначительная численность, географическое расположение и исторические условия их культурного и экономического развития дают этим народностям возможность развития на родном языке только элементарной письменной культуры (начальная школа и весьма ограниченная массовая, главным образом, крестьянская печать и т. п.); в отношении дальнейшего культурного развития, а также при установлении элементов даже начального образования—им приходится ориентироваться на русскую письменную культуру. Поэтому употребление у них русского шрифта, независимо от технических и массовых качеств его, в их условиях культурного развития, является единственно возможным и приемлемым. Хотя якутские работники и делают попытку перехода от русского шрифта к латинскому, но при небольшой численности якутов, во-

обще, при наличии в якутском языке значительного процента русских слов, при приблизительно одинаковых технических и массовых качествах русского и латинского шрифтов, эта попытка, в их условиях развития, едва ли даст реальные результаты; она могла бы увенчаться успехом только в случае принятия латинского шрифта и для русской письменности в объеме всего СССР, но для таковой замены пока не имеется никаких реальных предпосылок.

Крещеные же татары (кряшены), пользовавшиеся также дополненным русским шрифтом, после Октябрьской революции, по постановлению своих съездов и конференций, приступили к практическому переходу от русской транскрипции к татарской (арабской), и в большинстве кряшенских школ уже в той или иной степени введено преподавание татарской письменности. Переход кряшен от русской транскрипции к татарской, как видно из постановлений 1-го Всероссийского рабоче-крестьянского и красноармейского съезда кряшен в 1920 г., съезда кряшенских работников просвещения в 1921 г., совещания делегатов кряшен в 1922 г. и конференции коммунистов кряшен в 1923 г.—объясняется полной общностью разговорного языка кряшен с остальными татарами Поволжья, невозможностью самостоятельного значительного культурного развития для кряшен, насчитывающих всего около 200—250 тысяч населения, распыленного среди остальных татар, а также стремлением к практическому культурному сближению с остальными татарами, родственными по языку и происхождению, имеющими довольно развитую культуру и печать, кроме того, в виду своей значительной численности (4—5 миллионов), имеющими перспективу и дальнейшего культурного развития. В данном случае мы наблюдаем перемену шрифта не отдельной народностью, а только примыкание искусственно оторванной в отношении письменности части одной и той же языковой единицы к остальной ее массе, превалирующей по численности и довольно сильной по наличной письменной культуре. При отсутствии царско-миссионерского режима, искусственно проводившего и поддерживавшего всеми мерами обособление кряшен, объединение кряшен под одной письменностью с остальной татарской массой является делом только времени.

О тюркских народностях, пользовавшихся и пользующихся русским шрифтом, мы ограничимся вышеизложенным; в настоящей работе будем разбирать вопрос о шрифте только применительно ко всей остальной массе тюркских народностей, пользующейся в данное время арабской системой шрифтов. Основные и наиболее крупные по численности тюркские народности этой категории, как мы указали в начале, уже имеют довольно богатую письменную культуру. Что же касается мелких тюркских племен, не имевших до сих пор письменности на родном наречии или имеющих только

зачатки таковой, то о них нужно сказать следующее: хотя они на своем наречии или говоре не имели, по своей малочисленности фактически и не могли иметь, значительной самостоятельной письменной культуры, но среди них все же существовали и существуют школы и грамотные, по орфографии и книгам той или другой более крупной родственной по наречию тюркской народности, на основе арабской же письменности. Для некоторых из этих мелких народностей в педагогических целях издаются буквари, книги для первоначального обучения и т. п.; но для подобных изданий приходится исходить из письменности наличных грамотных в их среде, каковые обыкновенно совпадают с письменностью той или иной более сильной по культуре родственной народности. Кроме того, грамотность является не самоцелью, а только средством для дальнейшего развития посредством чтения книг, газет и т. д., и поскольку племя или наречие с населением в 100—200 тысяч, т. е. меньше чем у среднего уезда, не может ни при каких условиях иметь значительных самостоятельных богатств в этой области, то эти мелкие народности, не прибегая к трудному делу массового изучения совершенно чужого языка, могут пользоваться соответствующими богатствами письменной культуры только близкой по языку родственной народности¹⁾. Для этих мелких народностей не имеется возможности реальной самостоятельной линии не только в отношении выбора системы шрифта, но, в значительной степени, и при установлении основных элементов орфографии. Не имея фактической возможности создавать, поддерживать и развивать значительную самостоятельную письменную культуру, они и в дальнейшем принуждены будут примыкать в этих отношениях к той или иной близкой по языку тюркской народности. Поэтому, об отсутствии или незначительности у этих мелких племен письменной культуры можно говорить только условно, как об отсутствии ее на родном наречии или говоре, а фактически они имели и имеют письменность. Эта условность еще более уменьшается, если принять во внимание незначительность отличия этих говоров и наречий от

¹⁾ Тут, конечно, имеется еще один реальный путь для этих народностей, путь ориентации с первоначального же обучения к более богатой русской письменной культуре, и принятие, независимо от остальных родственных языков, русского шрифта; но этот путь глубоко недемократичен и приемлем только для отдельных выходцев из этих народностей, имевших возможность полного изучения русского языка; для крестьянской же или полукочевой народной массы, не имеющей по своим хозяйственным и экономическим условиям возможности полного изучения русского языка, таковая ориентация в выборе письменности совершенно закрывает путь для дальнейшего массового развития на основе письменной культуры, и тем самым делает безрезультатной приобретенную грамотность. Самостоятельное принятие латинского же шрифта в этом отношении ставит их в еще худшее положение.

тех тюркских групповых языков, к которым они по письменной культуре непосредственно примыкают.

Итак, более 90% тюркских народностей имели и имеют письменную культуру на основе арабской системы шрифтов, и вопрос о принятии латинского шрифта является для них вопросом не о выборе шрифта, а вопросом о замене шрифта со всей существующей на данном языке письменной культурой. Под письменной культурой в данном случае, мы подразумеваем: 1) годами созданные навыки всего грамотного населения к письму и чтению; 2) веками произведенную художественную, научную и техническую проработку вопросов каллиграфии, орфографии, типографской техники, педагогических методов обучения грамоте и прочих вопросов, связанных с системой шрифта и их применением, а также навыки специалистов соответствующих профессий; 3) все рукописные и, главным образом, печатные произведения, книжные и литературные богатства на данном языке по соответствующей системе шрифтов, начиная с момента возникновения данной письменной культуры и включая все этапы дальнейшего ее развития. Замена шрифта, если проводить ее в течении небольшого срока, является для культурного народа отказом от всей письменной культуры на основе прежней системы шрифтов, и как бы низведением данной народности в отношении письменной культуры на степень народности, совершенно не имевшей и не имеющей таковой. В случае же постепенного перехода от одного шрифта к другому, замена шрифта потребует на ряд лет или даже на ряд поколений, как у немцев, создание у населения параллельных навыков письма и чтения по двум сильно отличающимся системам шрифтов, а также ведения параллельного издательства по двум шрифтам на одном и том же языке. Последний путь, в психологическом отношении и в отношении не одновременности затраты средств, хотя и удобнее, но, затягивая болезненное состояние двух-шрифтности на ряд десятков лет и поколений, в конечном итоге, потребует на много раз больше средств и массовой энергии и тем более неприменим для периодов усиленного культурного развития, каковое мы сейчас наблюдаем у тюркских народностей. При крутом же переходе в течении двух-трех лет, замена шрифта потребует хотя и меньших, но все же громадных единовременных затрат как денежных, так и массовой энергии, направленной исключительно на это дело, помимо общей текущей культурной жизни. Не считая затрат на соответствующие предварительные академические работы, на переоборудование типографий, переподготовку учителей и даже на временное параллельное издательство и переиздательство, связанные исключительно с переменой шрифта,—только одно переучивание грамоте уже грамотных, каковых по одной только татарской группе тюркских народностей насчитывается до одного миллиона

человек, обойдется, вероятно, не менее, чем в десятки миллионов рублей. Это переучивание грамоте нельзя считать делом 9—10 дней, как некоторые думают, потому что оно сводится не только к умению узнавать буквы и зубрежке правил орфографии по новой системе шрифтов, а в главном сводится к созданию в памяти переучивающегося достаточного запаса изображений целых слов данного языка по новой системе шрифтов, а также созданию моторной памяти для писания—рисования целых слов, так как грамотный человек читает и пишет, как мы увидим дальше, не отдельными буквами и слогами, а целыми словами. Создание соответствующих навыков потребует у переучивающихся затрату энергии и времени не неделями, а десятками месяцев. Пусть десятки миллионов средств, необходимых для перемены системы шрифта отпустит государство, но массовую энергию на переучивание грамоте, на переквалификацию всех профессий, связанных с шрифтом и письменностью, можно получить у населения только в случае полной поддержки и всестороннего сочувствия с его стороны. Здесь особенно важно отношение всех активных элементов населения, а обыкновенно, даже и у тех народностей, среди которых очень незначительный процент грамотности, актив все же бывает из грамотной части населения; эти грамотеи—обладатели „талисмана“ для общения через письмо, газету и книги между собою и с остальным культурным миром настоящего и прошлого как данной народности, так и близких по языку и письменности других народностей, имеют решающее значение в оформлении общего отношения даже и неграмотной массы. Положительного же отношения массы, тем более грамотной, к перемене шрифта можно ожидать только в случае безусловных массовых преимуществ нового шрифта перед старым и, вообще, только при конкретных и реальных экономических и культурных выгодах для населения от перемены шрифта. Кроме того, условия близости языка, взаимные культурные влияния и связи на основе единой письменности в прошлом и настоящем—делают почти невозможным самостоятельную массовую перемену шрифта какой-либо отдельной народностью, помимо остальных культурно связанных с нею, тюркских народностей. При этих условиях реально можно ставить вопрос о перемене шрифта у всех тюркских народностей, общая численность которых достигает до 30 миллионов, только в целом, а не в отдельности у той или другой народности.

Итак, вопрос о перемене шрифта если приступить к ее массовому практическому осуществлению, является крупнейшей общественной и экономической задачей, к принципиальному и практическому разрешению которой можно приступить только с сознанием полной ответственности, и взвесив все реальные и только реальные как прямые, так и косвенные, положительные и отрицательные стороны данной перемены шрифта.

II. МЕТОД РАЗБОРА ВОПРОСА.

Значение шрифта, как средства передачи мысли. Исходные пункты для сравнения прямых качеств той и другой системы шрифтов с точки зрения НОТ. Момент культурных ориентаций. Отличительные особенности арабской и латинской системы шрифтов. Исходные материалы для сравнения.

Шрифт является массовым средством, своеобразным орудием взаимной передачи человеческой мысли и умственных достижений через время и пространство и в качестве такового ценнейшим орудием культуры человечества; значение шрифта и письма несравнимо выше значения других орудий того же назначения— телефона, телеграфа, радио и т. п., служащих для передачи только через пространство, к тому же, не имеющих массового распространения. Вопрос о выборе или перемене шрифта является вопросом о выборе соответственного орудия той или иной системы для письменной передачи мысли. Для определения годности и сравнения относительной выгодности орудий различных систем, лучшим методом является метод научной организации труда. Этот метод путем изучения мельчайших движений и других моментов, повторяемых миллионами людей десятки и сотни тысяч раз, интегрируя таковые, точно определяет сравнительную годность и выгодность различных орудий и методов труда. Для выяснения сравнительных удобств арабской и латинской системы шрифтов мы воспользуемся этими методами НОТ. Точки зрения изучения различных систем шрифтов применительно к тому или другому языку должны сводиться к следующим моментам: 1) годна ли та или другая система шрифта для полной и нормальной письменной передачи речи на данном языке, т. е. имеет ли достаточный запас графем-букв для практической звуковой передачи языка по соответствующей рациональной орфографии; если этот запас недостаточен, то имеется ли возможность его пополнения, не нарушая системы; 2) при которой системе шрифтов быстрее идет самый процесс чтения печатного и рукописного текста; 3) сравнение их с точки зрения скорости процесса письма; 4) удобства для типографской техники, способность приспособления к усовершенствованиям техники, а также сравнительная вместимость шрифта в одну и ту же печатную страницу, т. е. определение стоимости продукции напечатанной книги, при одной и той же читаемости; 5) сравнительная доступность практического массового овладения соответствующей системой, т. е. легкость обучения грамоте наличных неграмотных и будущих поколений данной народности; и 6) сравнительная внешняя красота и изящ-

ность нормального печатного и рукописного текста и выгнечность их для глаз.

Все указанные шесть моментов относятся к прямым качествам шрифта и все эти моменты имеют массовое значение во всенародном масштабе для всех наличных и будущих грамотных по данному языку. Только момент типографской техники в узком смысле касается лишь относительно немногочисленных работников полиграфического производства; этот момент только во второй своей части, касающейся сравнительной стоимости продукции напечатанных книг, газет и т. д., является моментом, имеющим массовое значение. Так как чтением, в той или иной степени, мы занимаемся во все продолжение нашей грамотной жизни, и почти каждому грамотному намного раз больше приходится читать, чем писать, и раз купленные печатные произведения читаются многими лицами и много раз, то главнейшим моментом при сравнении шрифтов является первый из указанных моментов о сравнительном удобстве и скорости чтения текста, главным образом, печатного; другим не менее важным моментом является момент удобства и скорости обучения грамоте по той или иной системе шрифтов, так как этот момент определяет круг наличных и будущих грамотных, суживая или расширяя количество таковых; так китайские или египетские иероглифы, насколько бы они ни были удобны для чтения вполне грамотных по ним лиц, но поскольку десятки тысяч бессистемных иероглифов, условных знаков понятий и слов, для своего твердого усвоения и узнавания при каждой встрече с ними требуют предварительного изучения и практики над ними десятками лет, то при такой письменности никогда не может быть грамотность общенародной, и таковая останется делом узкой касты или отдельных групп населения. Остальные же из указанных выше моментов, хотя и являются также массовыми моментами, но они всетаки имеют относительно меньшее значение.

Кроме указанных моментов, относящихся к прямым качествам шрифта, при сравнительной оценке систем шрифтов приходится иметь в виду также их косвенные качества; главным и почти единственным моментом в этом отношении является вопрос о международных культурных влияниях, о сравнительно большем облегчении той или иной системой шрифтов культурных восприятий от других народностей. Общность шрифта особенно важна для народностей близких и родственных по языку; в этом случае общность шрифта дает возможность взаимного более или менее массового пользования письменными культурами друг друга. Она не менее важна также, как мы отметили в первой главе, для тех мелких народностей, которые по своей численности и экономическим условиям не имеют возможности ни в настоящем, ни в будущем созда-

ния значительной самостоятельной письменной культуры и, будучи обособленными в языковом отношении, принуждены ориентироваться на письменную культуру той или иной более культурной, хотя бы не родственной по языку, народности. Для тех же народностей, которые имеют значительную самостоятельную письменную культуру, или же по своей численности и экономическим условиям могут рассчитывать на создание таковой в будущем, эта общность шрифта с более культурными народами, не родственными в языковом отношении, уже имеет сравнительно меньшее значение.

Прежде чем приступить к разбору вопроса со всех указанных выше точек зрения, несколько остановимся на сравниваемом материале.

Исходя из различных реальных и предполагаемых недостатков арабской системы шрифтов, у многих установился взгляд, что арабские шрифты в существовавшем до сих пор виде, с четырьмя типографскими начертаниями каждой буквы, не могут вполне удовлетворять культурным нуждам тюркских народностей, вследствие чего поднят вопрос о реформировании арабской системы шрифтов или о замене их какой либо другой системой. Что касается сторонников замены, то все виднейшие их представители предлагают принять латинскую систему, не изменяя принципов его употребления в Западной Европе, заключающихся: а) в направлении строки слева направо, б) в графической прямолинейности начертаний печатных букв, расположенных, в большинстве случаев, между двумя параллельными линиями, в) в неслитности типографских знаков, входящих в одно и то же слово, между собой, г) в наличии значительной разницы в начертаниях одних и тех же букв в печатном и рукописном шрифте, д) в наличии отличающихся по величине и рисунку особых заглавных и строчных букв, и е) в избегании надстрочных знаков. Главные сторонники принятия латинской системы различаются между собой только в отношении установления начертаний букв для звуков тюркских языков в случаях отсутствия латинских букв с соответствующим звуковым значением. Арабская же система шрифтов отличается от латинской системы: а) наличием только одной основной линии строки, от которой вверх и вниз идут различные, большею частью, кривые линии, б) связанностью между собой большинства букв одного и того же слова не только в рукописном, но и в печатном тексте, в) отсутствием заглавных букв для собственных имен, г) близостью или совпадением печатных начертаний с рукописными, д) значительным количеством надстрочных и подстрочных точек и знаков для различения одних букв от других, а также е) наличием четырех или двух начертаний каждой буквы для типографского шрифта, употребляемых в зависимости от положения в том или ином месте в слове. Позднейшие и наиболее за-

метные сторонники реформы арабского шрифта сохраняют все указанные выше отличительные особенности арабского шрифта, за исключением момента наличия четырех начертаний, оставляя вместо четырех только одно начертание для каждой буквы. К более полному историческому разбору отдельных предложений и течений как в направлении замены, так и реформы арабского шрифта, мы возвратимся впоследствии, пока же ограничимся изложенным выше. При сравнительной общей оценке систем шрифтов, мы будем исходить, с одной стороны, из общепринятой латинской системы, с другой, из основной арабской системы шрифтов; при конкретных же и практических сопоставлениях в применении к тюркским языкам будем исходить из сопоставления латинской системы шрифтов в том виде, как она принята к введению в Азербайджане, с арабской системой в том виде, как она употребляется в Татарской республике, имея в виду как реформированную, так и старую форму последней.

III. О ЗАПАСЕ ГРАФЕМ-БУКВ.

Запас графем-букв для изображения гласных и согласных звуков тюркских языков в арабской и латинской системе шрифтов. Вопрос о пополнениях новыми недостающими знаками. Современная орфография у северных и южных тюрков. Недопустимость смешивания вопросов орфографии с вопросом о шрифте.

Приступая к сравнению арабской и латинской систем шрифтов, начнем с выяснения вопроса о том, насколько та и иная система шрифтов может служить для достаточно точного обозначения слов тюркских языков в практической письменности. При звуковом письме этот момент сводится к вопросу о том, какая система шрифтов имеет достаточный запас буквенных начертаний, соответствующих основным звукам того или другого тюркского языка. Арабский алфавит имел раньше 28 букв, тюркские народы ввели задолго до революции еще 8 букв; таким образом, общее число основных букв дошло до 36, из них 4 служили для обозначения гласных, остальные—согласных звуков¹⁾.

Запас буквенных начертаний для согласных по арабским шрифтам достаточен для обозначения в письме всех соответствующих звуков тюркских языков, и их начертания и звуковые значения установились однообразно у всех тюркских народностей. Что же

¹⁾ Тюркские народности СССР, за исключением азербайджанцев, часть основных арабских букв (ذ, ط, ظ, ث, ز, ح, ه, ت, ن), не имеющих соответствующих им звуков в тюркских языках, взяли из своей практической орфографии, подобно тому, как из русской орфографии после революции взяты „в, з, и, ь“.

касается гласных звуков, то относительно их обозначения в тюркских языках можно применять два метода: 1) метод использования момента сингармонизма, т. е. того основного фонетического закона тюркских языков, что в составе каждого слова могут быть или исключительно мягкие звуки, или исключительно твердые звуки. При этом методе приходится дополнять наличные буквы одним знаком для указания твердости или мягкости всего слова и двумя-тремя начертаниями для гласных, путем прибавления надстрочных знаков к начертаниям наличных гласных; этот метод принят и давно осуществлен в татаро-башкирской и казак-киргизской орфографиях; 2) метод введения парных букв для мягкой и твердой разновидности гласных звуков, возлагающий на гласные звуки задачу указания также твердости или мягкости всего слова; в этом случае приходится прибавлять к существовавшим раньше еще 5—6 букв для тех гласных, по которым недостает знаков. Проекты применения как того, так и другого метода были почти у всех более крупных тюркских народностей. Подобные проекты, а также дальнейшая работа в этом направлении подтвердили возможность установления для тюркских языков на основе арабской системы не только близкой к фонетической практической орфографии, но даже возможность установления на основе арабской письменности академической транскрипции (Казанский проект).

Основная латинская азбука имеет 26 букв, в том числе 6 гласных и 20 согласных. Опыт применения латинского алфавита для различных тюркских народностей показал, что азербайджанцы из 34-х букв для своей письменности только 19 (56%) сумели непосредственно взять из латинского алфавита, не меняя начертания и общепринятые основные звуковые значения букв; в 7 случаях (21%) они взяли латинские же буквы без изменения начертания, но дали им звуковые значения, отличные от обычно обозначаемых ими звуков в европейских языках; в остальных 8 случаях (23%) изменили и начертания и значения букв, в том числе частью взяли русские и армянские начертания. У якутов, в принятом у них проекте, из 36 букв только 17 (47%) соответствуют латинским по значению и начертанию, 2 соответствуют по начертанию, но не по значению, остальные же 17 (47%) отличаются от латинских как по начертанию, так и по значению. Проекты латинистов по применению к башкирскому и татарскому языкам только в 19 случаях из 35 (54%) сумели сохранить латинские буквы без изменения их начертания или значения. Итак, латинский алфавит, без изменения значения и начертания, удовлетворяет только от 47 до 56% звуков отдельных тюркских языков, тогда как по арабской системе для любого тюркского языка дополнительно приходится прибавлять только от 10 до 15% новых или измененных начертаний. Итак, запас

графем-букв для обозначения звуков и слов, а также для установления нормальной практической орфографии в тюркских языках, у арабской системы более благоприятный, чем у латинской системы. Если дополнить соответствующими знаками, то и по арабской и по латинской системе можно писать по какой угодно точной орфографии. Все северные турки (татары Поволжья, казак-киргизы и друг.) изменили свою орфографию и ряд лет уже пишут весьма близкой к фонетической орфографией. В печатных материалах по вопросу о шрифте, написанных сторонниками принятия для тюркских языков латинской системы, почти всегда смешивается вопрос орфографии с вопросом о шрифте. Потому мы подчеркиваем, что эти вопросы совершенно разного порядка: и по латинской системе можно иметь очень плохую орфографию, как у англичан и американцев, и немногим лучше, как у французов и немцев, а также и по арабской системе можно иметь почти фонетическую орфографию, как у казак-киргизов и татаро-башкир. Если имеются тюркские народности со старой, совершенно нерациональной орфографией в своей письменности, а азербайджанцы остаются уже единственной тюркской народностью в СССР с совершенно почти неподвижной, другими словами, консервативной орфографией по арабской системе, то это не дает права возлагать на систему шрифта вину за то, что азербайджанцы и турки по своим социально-культурным условиям прошлого не смогли до сих пор улучшить и реформировать свою орфографию. Это замечание о смешивании момента орфографии и системы шрифта относится и к некоторым тюркологам, давшим заключение о невозможности исправлять орфографию на основе арабской системы и говорящим даже „о признании русской наукой полной непригодности арабской системы для передачи звуков тюркских языков“³⁾.

Мы утверждаем, что этот вопрос русской наукой еще никогда до сих пор всесторонне не разрабатывался, и если по этому вопросу имеются голословные заявления соответствующих элементов царского режима, то эти заключения нельзя рассматривать, как мнение науки; слишком уважая русскую науку, мы совершенно не можем мириться с подобным отождествлением. Трудно объяснить ссылки на подобные заявления тем более после имеющих уже опытов и практики в этом направлении у ряда тюркских народностей. Если у кого плохая орфография, то нужно реформировать орфографию, а не поднимать из за этого вопроса о перемене шрифта для всех тюркских народностей.

³⁾ См. приложения к брошюре Агамали-Оглы „Неотложные культурные нужды тюрко-татар. народов“, Баку 1925 г. стр. 73, там же статьи бакинских профессоров Ашмарина и Жузе; а также статьи Яковлева и друг. в сборнике „В борьбе за новый алфавит“, Москва 1925 г.

IV. УДОБСТВО И БЫСТРОТА ЧТЕНИЯ.

Законы процесса чтения. Некоторые психологические наблюдения над зрительными восприятиями. Сравнение латинской и арабской системы шрифтов с точки зрения процесса чтения печатного текста. Опыты по выяснению сравнительной скорости чтения. Сравнительная гигиеничность для глаз. Раздельность и слитность печатных шрифтов. Сравнение систем с точки зрения чтения рукописного текста. О заглавных буквах и их значении для процесса чтения. Вопрос о красоте шрифта.

Переходим к моменту скорости процесса чтения. Сначала остановимся на разборе вопроса с точки зрения процесса чтения печатного текста. Когда мы читаем, то мы слова разбираем не по отдельным буквам, а своим зрением воспринимаем целое напечатанное слово или даже два небольших слова, и узнаем общее начертание этих слов так же, как узнаем мы отдельные знакомые предметы и лица. Написанные или напечатанные слова, по какой бы системе шрифтов не были обозначены, с точки зрения процесса чтения являются единым графическим изображением целых слов и понятий, подобно китайским и египетским иероглифам, и отличаются от последних только системой конструкции рисунка, обозначающего словопонятие: если в иероглифах в узком смысле для обозначения понятия „он“ рисовали, скажем, руку с высунутым указательным пальцем, то для обозначения того же слова „он“ звуковым письмом, мы составляем рисунок, состоящий из особых двух маленьких значков, условно обозначающих соответствующие звуки, входящие в состав данного слова. Итак, грамотный человек читает, или другими словами, воспринимает своим зрением не отдельные буквы, а сразу целые слова, узнавая общее обозначение их; в частности, на этом принципе процесса чтения основывается и так называемый американский метод обучения грамоте, метод целых слов. Далее, воспринятый зрением образ слова моментально отыскивается среди множества изображений слов, закрепленных в нашей памяти ранее, во время первоначального обучения и дальнейшей практики чтения и, по аналогии с этими изображениями, ассоциирует соответствующее понятие. Если у нас слуховое восприятие слов совершается не по отдельным звукам, а целым комплексом звуков, входящих в то или иное слово, даже и границы между отдельными словами при восприятии в той или иной степени теряются, то нечто подобное мы наблюдаем и при зрительном восприятии написанных или напечатанных слов.

Чем характернее общее начертание, рисунок-иероглиф, того или другого слова в целом, тем он скорее схватывается нашим зрением

при процессе чтения. Итак, с точки зрения процесса чтения, установленного и общепризнанного соответствующими специалистами, быстрая схватываемость и читаемость слов определяется не начертанием отдельных букв, входящих в состав слов, а только характерностью рисунка всего данного напечатанного слова в совокупности; отдельные же буквы, входя в состав слова, имеют служебную роль только в отношении усиления или ослабления характерности всего иероглифа (графического образа) данного слова и выделения его среди других иероглифов ¹⁾.

Буквы в латинской системе шрифтов представляют из себя, большею частью, рисунки из прямых линий, частью сочетающихся с рисунками „о“, и вписаны в прямоугольники. Здесь печатная строка располагается между двумя параллельными линиями, и каждое слово состоит, грубо выражаясь, из отдельных кирпичиков, насаженных вертикально на весьма близком расстоянии друг от друга. Поэтому иероглифы отдельных слов отличаются здесь между собой, большею частью, только числом этих кирпичиков и разницей между рисунками, вписанными в эти кирпичики. Только часть латинской системы букв, как „d, b, l, t, h, p, q, i“ имеют те, или иные выступы или надстрочные знаки—точки, лежащие за параллельными линиями строки. Известный немецкий ученый Мейман и другие ученые по экспериментальной педагогике рядом точных опытов установили, что схватываемость отдельных слов нашим зрительным восприятием, другими словами, быстрота читаемости отдельных слов, напечатанных по латинской системе, определяется наличием и количеством в них букв, начертание которых имеет части, выходящие вверх или вниз за пределы двух параллельных линий, а также букв, имеющих точки и надстрочные знаки, как „i, ä, ù, ö“ в немецком языке. Так международное слово „minimum“ без точек над i воспринималось бы при чтении гораздо труднее, чем при этих точках (см. Мейман „Лекции по экспериментальной педагогике“ часть III, лекция 14-я и 15-я); русское написание того же слова „минимум“ в отношении быстрой схватываемости, с одной стороны, уступает латинскому изображению, ввиду принятия вместо „i“ обозначения „и“, с другой—находится в лучших условиях, ввиду большой характерности графем „у, м“; по арабской системе тоже слово обозначается в виде „مينيموم“.

Арабские же буквы не имеют двух параллельных линий и прямоугольников, здесь, как мы отметили выше, имеется только одна основная линия строки, от которой вверх или вниз идут

¹⁾ В дальнейшем изложении слово „иерогл*ф“ мы употребляем для обозначения понятия графического изображения целого слова, независимо от его идеографической, чисто условной или звуковой конструкции, т. е. слово иероглиф употребляем в более расширенном смысле.

разнообразные по размерам прямые и кривые линии, снабженные в большинстве случаев точками и значками над или под строкой. Вот это обстоятельство, именно, наличие точек, отсутствие кирпичиков и наличие кривых и прямых линий, отходящих от одной основной линии, дают характерность каждому отдельному слову—иероглифу, ускоряя и облегчая своей характерностью в том или ином направлении, восприятие отдельных слов при чтении. Тут можно привести следующую приблизительную аналогию зрительного восприятия: мы своего знакомого в штатском костюме или, тем более, имеющего обыкновение носить в руках тросточку или мало-распространенную у нас на севере шляпу с широкими полями,—узнаем на довольно дальнем расстоянии, даже когда еще мы не можем различать подробные очертания его лица; если этот знакомый стоит в группе людей одетых различно по цвету или форме костюма, мы его узнаем также сравнительно легко; своего брата или знакомого в красноармейской же форме в группе других красноармейцев и, вообще, при наличии в городе значительного количества красноармейцев, одевающихся в одинаковую форму, мы узнаем только на более близком сравнительно расстоянии, когда достаточно ясно видим не только общую фигуру, но и очертания лица. Вообще однотипные и однохарактерные предметы и рисунки мы отличаем одни от других только на более близком расстоянии и для такого различения употребляем большее напряжение, чем для узнавания разнотипных и разнохарактерных предметов. Таким образом, исходя из законов процесса чтения, можем установить, что графика арабской системы шрифтов, приводящая к характерности и большей различимости иероглифов слов между собой, для удобства и скорости чтения является более благоприятной, чем графика латинской системы, приводящая к более однотипным и труднее различимым иероглифам слов, для узнавания которых недостаточно восприятие внешних начертаний слова, но необходимо одновременное восприятие также начертаний, вписанных в прямоугольную фигуру всего слова.

Правильность же законов процесса чтения мы можем проверить и без приборов. Так слово „джан“ (душа) мы привыкли видеть в книгах по арабской письменности в виде جان или جَان (в слове جانلى). Если мы это слово найдем в измененном виде جان т. е. „отдельными“ начертаниями тех же букв, или русское слово „душа“ встретим в виде „ДУША“, то мы, хотя отдельные буквы в слове и будем различать хорошо, но целого слова все же сразу не узнаем, так как в арсенале иероглифов знакомых нам слов не имеется подобных иероглифов, и эти начертания у нас не ассоциируются никакими понятиями. Трудность для непривычных чтения хотя бы газеты „Jeni-jol“, издаваемой в Баку латинскими буквами, заключается не в том, что

они плохо знают латинские буквы, они, может быть, знают их и очень хорошо, но иероглифы слов на родном языке, состоящие из латинских букв, в совокупности им еще не знакомы, непривычны, и они читают так же по буквам и слогам, как многие посетители пункта по ликвидации безграмотности, знающие отдельные буквы, но не привыкшие воспринимать иероглифы целых слов. Этот пример, если с одной стороны подтверждает иероглифичность наших писаний, с другой стороны указывает, что после перемены шрифта, чтобы заново научиться нормально читать и писать, нам недостаточно ознакомиться с отдельными буквами, а нужно создание в своей памяти целого арсенала иероглифов по новой системе, т. е. создать у себя заново процесс чтения по ней.

Если даже, оставляя в стороне законы процесса чтения, мы будем исходить исключительно от начертаний самих букв, то едва ли имеет смысл обвинение арабских шрифтов в однообразии—напр. отличие арабских букв для звуков „б, п, т, н, и“ (ب, پ, ت, ن, ه) между собой только надстрочными и подстрочными точками—если примем во внимание, что взамен их предлагается латинская система, в которой по применению ее в Азербайджане буквы „o, ø, b, d, p, g, q, e, э, с“ или „l, n, m, h, u“ и многие другие буквы в основе своей исходят от „o“ и „l“ и являются их видоизменением посредством дополнительных палочек и хвостиков и вырезывания частей „o“ в „с, э, е“. Оба алфавита мирового значения, латинский и арабский, исходят от немногих основных графических нот, и это установилось не зря, а ввиду облегчения усвоения приемов процесса письма, к которому мы подойдем ниже.

Что же касается заявлений Жузе, Краузе и Муштариева о том, что арабская система своими точками и значками является вредной для глаз и негигиеничной, то они, как видно из их изложения, основываются на представлении, как будто восточные народы читают не по нормальному процессу чтения, а вместо этого считают сколько и где точек поставлено.

Для того, чтобы проверить влияние для глаз той или иной системы шрифтов, достаточно прибегнуть к приему глазных врачей: взять какойнибудь текст, напечатанный шрифтами одинаковой крупноты по латинской и арабской системе и одновременно издали приближать их к себе; человек достаточно грамотный по обоим шрифтам, как видно из многократно поставленных опытов, текст по арабской системе разбирает на более дальнем расстоянии. Лицам, достаточно грамотным по обоим системам, можно еще над собой сделать такой опыт: один вечер попробовать долго читать книгу, напечатанную по арабской системе, другой вечер читать книгу, напечатанную по латинской системе или на русском языке, что мало изменит точность опыта, ввиду однохарактерности латинской и русской системы шрифтов. И вы увидите, следя по часам, что

глаз начинает уставать скорей при чтении по латинской или русской системе.

Что же касается момента раздельности и слитности типографских шрифтов и ссылок профессора Ашмарина ¹⁾ на агглютинативный характер морфологического строения тюркских языков, то я ограничусь указанием на законы сингармонизма и губной ассимиляции в этих языках, являющихся еще более значительными основными законами тюркских языков, склеивающими воедино все отдельные звуки каждого слова, а также на тот факт, известный из повседневной практики всем народам, пользующимся арабским шрифтом, что не слитность букв, а разделяемость немногих арабских букв, вроде «و، ا، ز، ر، ج» мешают быстроте чтения и письма.

Сообщу еще об одном опыте, поставленном в 1922 году в Казани, над 40 учениками татарской школы и над таким же количеством учеников русской школы, с соблюдением нормальных условий опыта. Опыт имел целью выяснение скорости чтения и письма тех и других на родном языке, у первых по арабской, у вторых по русской письменности текста в 1.000 типографских знаков. Опыт подтвердил, что у татарских учеников скорость чтения была в среднем на 26% выше, чем у русских учеников. Я не буду затруднять внимание читателя еще рядом возможных простейших опытов в этом направлении, все они приводят к аналогичным результатам; некоторые из них опубликованы мною еще в 1923 году ²⁾. Что же касается басен о превращении «فأقبلوه» в «فأقتلوه» и т. п., приводимых некоторыми латинистами для обоснования своей позиции, то они являются веселыми анекдотами о подделках, что можно сразу уяснить, если вдуматься в их содержание.

Несколько слов скажем относительно процесса чтения рукописного текста. Здесь остаются те же законы процесса чтения. Но поскольку в арабской системе слова имеют в печати те же или близкие начертания к рукописным, то создавшийся и имеющий постоянную большую практику процесс чтения над печатным текстом переносится и на рукописный. Поэтому нормальный рукописный текст по арабской письменности, кем бы он ни был написан, всегда разбирается легко, тогда как написанное латинскими и русскими буквами очень часто даже самим написавшим разбирается с трудностью; и здесь арабскому шрифту помогает характер графики, система точек, а также близость начертаний слов в рукописном и печатном тексте. Несмотря на это, некоторые сторонники введения латинского шрифта часто ставят в вину арабскому шрифту

¹⁾ См. статью Н. И. Ашмарина, приложенную к цитированной выше брошюре Агамалы—Оглы, стр. 86.

²⁾ См. журнал „Маариф“ (معاريف) Казань, 1923 г. № 2, 3—4.

то, что у него не имеется отличных от рукописных отдельных начертаний для печатного текста. В странах же с латинской системой со стороны отдельных лингвистов и педагогов в их трудах приходится встречать обратные предложения о сближении печатного текста с рукописным. Так, известный языковед профессор Томсон, в своем серьезнейшем труде по теории русского правописания, высказывается о желательности введения курсива близкого к рукописному в качестве основного типографского шрифта, в целях создания общего процесса чтения, а также, как он говорит, для избежания современных прямоугольных типографских букв, затрудняющих процесс чтения, с заменой их более закругленным типографским курсивом ¹⁾.

Что касается вопроса о наличии в латинской системе заглавных букв для указания собственных имен и некоторого удобства их при чтении, то нужно заметить, что представляемые этими заглавными буквами выгоды не вполне оправдывают те неудобства, каковые они представляют для типографской техники, увеличивая реестр шрифта, наборную кассу и внося затруднения при обучении грамоте. Опыт языков с арабской системой шрифтов показывает, что совершенное отсутствие у этой системы заглавных букв неудобства для процесса чтения не представляет, так как случаи точного совпадения звукового состава, следовательно, и иероглифа тех или иных собственных имен с обычными словами того же языка весьма редки, и нет практической надобности введения особых моментов в начертании иероглифов собственных имен. Что же касается значения употребления заглавных букв в начале предложений после точек, вопросительных и восклицательных знаков, если примем во внимание, что в тех же языках подобные же предложения после запятой, точек с запятой, двоеточия и тире—пишутся с обыкновенной строчной буквы, и это при чтении никакого затруднения не представляет, то придем к заключению, что и подобное употребление заглавных букв особой ценности не представляет. Употребление заглавных букв в начале каждой строки стиха в поэзии, а также практикующееся в немецкой орфографии писание всех существительных с заглавной буквы—можно оценивать только, как отрицательное явление, сводящее на нет те небольшие преимущества от заглавных букв, каковые мы отметили; а вежливые „Вы, Вам, Ваш“ являются китайской роскошью; каждый язык имеет, и помимо них, достаточный запас слов или оборотов для выражения этой вежливости и почтения, если в том встречается надобность.

¹⁾ См. А. Томсон „К теории русского правописания и о методах его преподавания“—Летопись историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1914 г., т. XI, стр. 216—217 и 228.

Итак, наличие заглавных букв в латинской системе, с точки зрения процесса чтения, не представляет скольконибудь ценного преимущества, являясь вместе с тем, как увидим далее, некоторым минусом для латинской системы в других отношениях. Конечно, грамотные массы народностей, пользующихся латинской системой шрифтов, уже привыкли к этим заглавным буквам в соответствующих положениях, и изъятие их из орфографии будет мешать в некоторой степени рисунок иероглифа собственных имен, и тем самым будет затруднять у них привычный процесс чтения.

Вопрос о преимущественной красоте того или иного шрифта является делом индивидуального вкуса. Хотя бакинский проф. Жузе в своей статье, приложенной к брошюре г. Агамалы Оглы, описывает арабские шрифты безобразными, но все почти европейские писатели, высказавшиеся по этому поводу, говорили обратное, отмечая разнообразие и причудливость общего характера арабского письма, и противопоставляли их однообразным геометрическим латинским шрифтам; архитекторы запада и востока употребляли так называемые „арабески“ для украшения домов, а так называемые „шамаили“ (شماليل) на востоке украшают внутренность жилищ, вместо картин. Что касается психологической оценки со стороны народных масс, то нужно указать, что вьющиеся орнаменты народного творчества тюркских племен по своему характеру совпадают с арабской системой и отличаются от общего характера орнаментов индо-европейских народностей, состоящих преимущественно из геометрических фигур и прямых линий, имеющих много общего с латинской системой шрифта.

V. УДОБСТВО И БЫСТРОТА ПИСЬМА.

Основные моменты процесса письма. Аналогия со словопроизношением. Механичность процесса письма и связанный с ней метод обследования. Направление движений и строк в арабской и латинской системе. Качество и количество движений в обеих системах. Вопрос о точках. О писании цифр и математических формул. Пишущие машины. Стенография.

В предыдущей главе мы сравнивали процесс чтения со слуховым восприятием речи, момент же письма можно сравнивать со словопроизношением при устной речи. Для произношения какого-нибудь слова потребуется дать нашим органам произношения уклады, требуемые для произношения каждого самостоятельного звука, входящего в данное слово; напр., для произношения слова „папа“ из закрытого положения губ для „п“ мы переходим к их широко открытому положению для „а“, далее опять закрываем губы

для второго „п“, потом снова открываем их для второго „а“; при чем, при переходе из „п“ к „а“ губы на краткое время проходят переходные моменты полуоткрытости или делают, так называемое, экскурсионное движение произносительного органа, чему соответствуют в акустическом (слуховом) отношении едва заметные переходные звуки, в целом напоминающие в данном случае беглое краткое „ы“. Произношение слова требует одного общего для всего слова волевого импульса, а отдельные звуки произносятся и соответствующие им уклады органов речи устанавливаются бессознательно и машинально. Нечто подобное происходит и во время письма. Письмо требует от пишущего самостоятельного волевого импульса для написания всего слова или, по крайней мере, той или иной части длинного слова; писание же отдельных букв, входящих в слово, производится вполне грамотным человеком при скорописи бессознательно и машинально. Переходно-экскурсионным моментам произношения в письме соответствуют экскурсионные моменты между буквами, так называемые, соединительные черточки. Если мы намереваемся произнести слова „кукушка“ и „как“, то приготовившись к их произношению, и не произнося еще первого „к“, уже свои губы бессознательно приготавливаем для произношения следующих звуков этих слов „у“ и „а“, свертывая в первом случае губы в трубку, во втором—приоткрывая губы для будущего „а“; так же и при писании слова из нескольких букв, при писании первой буквы рука уже машинально готовится к написанию следующей за ней буквы; вследствие этого, при скорописи соединительные черточки между различными буквами, как и промежуточные экскурсии звуков, бывают разные даже в письме у одного и того же лица; в зависимости от соседства тех или иных букв, и начертание самих букв, напр. „т, р“ в русском письме, несколько меняется, потому что в одних словах, при одном соседстве букв для движений руки и большей скорости письма более удобны одни начертания этой буквы, при других—другие, измененные в той или иной степени. Все это у нас делается при письме машинально, в порядке писания-рисования всего иероглифа данного слова одним общим волевым импульсом. Лица, привыкшие ставить в русском письме черточки над „т“ и под „ш“, например в словах „партия“ и „большой“ ставят эти черточки только после окончания всего слова, заканчивая установкой оформление всего рисунка иероглифа слова. То же наблюдается и по арабской системе шрифтов, особенно много имеющей точек и прочих надстрочных и подстрочных знаков; например, чтобы написать слово بيل (биль—поясница) при скорописи сначала пишут بيل потом уже ставят краткую черточку, вместо двух точек под „ي“, затем одну точку под „ل“; таким образом, и здесь мы наблюдаем писание целым словом, а не

отдельными буквами; если бы мы писали не целыми словами, а отдельными буквами, то тотчас после написания остова „*ج*“ пришлось бы ставить точку под ним, дальше писать „*ح*“ с черточкой под ним вместо точек, и только потом писать „*ل*“.

Итак, мы не только читаем, но и пишем не отдельными буквами, а целыми словами, как бы вырисовывая их иероглиф, следовательно, и при обследовании скорости письма необходимо исходить от скорости писания не отдельных букв, а целых слов, включая сюда и надстрочные и прочие знаки.

При писании-рисовании слов у вполне грамотного действуют, главным образом, не зрительная, а моторная память мышечных движений. Когда мы пишем, как говорится, рука сама пишет, по моторной памяти; зрительной памяти здесь больше принадлежит функция контроля уже написанных слов. Чем человек грамотнее, чем больше у него в прошлом практики над письмом, тем лучше и быстрее идет у него процесс письма, и тем в большей степени преобладает у него моторная память при письме над зрительной. Это положение в особенности ясно наблюдается при письме на языках с не вполне фонетической практической орфографией, к каковым принадлежит большинство языков культурных народностей, в частности, и русский язык. Так, при практическом употреблении в письме русских слов „город, городской, городской“, произносящихся в литературном говоре „горът, гъратской, гъръдавой“ и других подобных слов—совершенно нет возможности припоминать, как фактически данное слово произносится и как оно правильно пишется и почему орфографически правильно будет так, а не иначе; здесь нас спасает только созданная долгой практикой моторная память. Следовательно, мы пишем не только целыми словами, но при том и механически, по моторной памяти.

Если процесс чтения, как процесс зрительного восприятия, требует очень мало работы со стороны наших мускулов, то момент письма уже полностью зависит от работы мускулов пальцев и руки. Поэтому при выяснении вопроса о больших преимуществах той или другой системы шрифтов, мы можем пользоваться непосредственно приемами научной организации труда по обследованию трудовых процессов руки. Для сравнительного суждения о шрифтах в отношении удобства и скорости письма, важно выяснение следующих моментов: 1) направление мелких круговых движений мускулов руки и связанное с ними общее направление строки слева направо, или справа налево; 2) качество, средняя крупнота движений и черточек в письме и 3) общее количество самостоятельных движений, необходимых для написания того или иного слова. Начнем с первого момента.

Направление мелких движений руки при процессе письма в латинской системе идет, большей частью, как в буквах „о, в, е, и“ против часовой стрелки, этим же объясняется направление общей строки письма слева направо. По арабской же письменности, как в буквах *ع, و, ه, م, ن* движение руки при писании букв и слов идет преимущественно по часовой стрелке, поэтому и строка идет справа налево. Если мы будем следить, как рабочий за станком или швейка за работой вертит рукой свою машину, то увидим, что все это делается движениями по часовой стрелке. Вообще, когда в процессах труда приходится делать массовые круговые и овальные движения, когда шьют иглой, когда вьют веревку и т. п., всегда рука человека делает эти массовые движения по часовой стрелке; если же машину начнешь вертеть в обратном направлении, то рука весьма скоро устает. Известный педагог Блонский в своем труде „Педология в массовой школе“ говорит, что многие русские дети, в первом месяце обучения письму, пишут буквы справа налево, т. е. с движениями по часовой стрелке, иногда даже у них слова получают обратные нормальному русскому, т. е. пишут так называемым детским „зеркальным письмом“. Он объясняет это явление тем, что у людей, а у детей в особенности, лучше развиты мелкие мускулы, подвигающие руку и пальцы в этом направлении; он дает ряд указаний, какими приемами искусственно нужно развивать у детей мускулы для движения в обратном направлении, т. е. против часовой стрелки, в частности, как подготовительный прием, предлагает заставлять детей вить веревку в обратном направлении тому, как это делается обычно¹⁾. Некоторые обвиняют арабскую систему шрифтов за то, что она пишется справа налево; нельзя же арабской системе ставить в вину то, что в отношении направления движений в письме и связанного с ним направления строки, она соответствует естественным законам организации труда. Почему же культурные народы запада пишут иначе? Ответ простой, деды их писали так, установилась традиция, так и пишут. Первоначальное же твердое установление письма у их прадедов слева направо относится ко времени еще когда ни бумаги, ни карандаша, ни перьев не было, а писали они, главным образом, на мраморе, вырезывая буквы, и направление строки установилось у них в зависимости от орудий письма того времени; когда же появились бумага и перо, дальнейшие поколения не захотели и ввиду установившихся привычек не в состоянии были переменить установившееся направление, хотя бы и на более естественное; при наличии же пишущих машин этот момент, вообще, становится менее важным²⁾.

¹⁾ Блонский—„Педология в массовой школе“—Москва 1925 г. Стр. 3—7.

²⁾ Установление направления строки слева направо у греческого письма, потомком которого является латинский шрифт, относится еще к VII—VIII веку до Р. Х.; до этого же направление греческого письма, как и финикийского,

Итак, направление мелких движений письма и связанное с ним направление строки в арабской системе более естественное и соот-

от которого исходит громадное большинство звуковых алфавитов, в том числе греко-латинский и арабский, было справа налево. Письмена этрусков, заимствованные, как полагают, из греческого в ту отдаленную эпоху, было также справа налево. Далее, у греков встречается двойное направление строки письма, первая строка идет справа налево, следующая—слева направо и т. д. так называемое письмо „бичачьего хода“ или „бустрофедон“. Такое двойное направление, крайне неудобное для процессов чтения и письма, могло существовать только в эпоху крайне малого развития письменности. Переход же направления строки древнегреческого письма от финикийского к „бичачьему ходу“, и в дальнейшем установление письма слева направо объясняется, по нашему мнению, тогдашним письмом греков на мраморе, посредством вырезывания букв, при котором массовые круговые и овальные движения руки отсутствовали, а были удобны, в зависимости от процесса труда вырезывания, более прямые движения; при том, направление строки справа налево при письме на мраморе, было неудобно, так как правая рука с ножом или иным орудием гравировки закрывало при работе то, что уже вырезано. „Даже после введения в употребление получаемого из Египта папируса греки и римляне высекали на камне длинные памятные надписи. В Помпее, напр., найден календарь, высеченный на мраморе... Таким же способом гравировались не только деловые акты и правительственные документы, но и самые простые объявления. До сих пор сохранилось несколько хартий средних веков (до XIII в.) на камне“. (См. Ф. И. Будгаков „История книгопечатания“ СПб 1889 г. т. I, стр. 31). Это параллельное употребление письма на камне и в период письма на папирусе, не дало грекам и римлянам возможности обратного перехода к финикийскому направлению строки, хотя последнее при письме на папирусе уже было более естественным и удобным. Прямолинейность графики греко-римских античных шрифтов, легших в основу латинского типографского шрифта, определилась также письмом на камне. Не только латинская, но и греко-византийская рукопись уже за несколько сот лет до изобретения книгопечатания, совершенно не имели этой прямолинейности. Подобно греко-латинскому, и ассирийская клинопись писалась на обожженной глине „терракоте“ также прямыми линиями и слева направо, тогда как не только большинство письмен, развившихся из финикийского (арабское, еврейское, уйгурское, большинство письмен индийских и персидских), но и писавшиеся тростниковым калымом на папирусе египетские иероглифы, а также пишущиеся кистью на бумаге—китайские, имеют массовые, закругляющиеся для быстроты, движения письма по часовой стрелке, строку ведут справа налево, или как в китайском и японском, вертикальные строки располагаются для логичности с массовыми круговыми движениями справа налево. При письме калымом, кистью, пером и карандашом, направление строки справа налево, ввиду вытянутости и заостренности конца орудия письма, соответствующего зрительного затруднения не вносит; для мускулов же руки, а следовательно и для процесса массовых движений руки при письме, такое направление является более удобным и дает большую скорость. Направление письма слева направо от греков и римлян принято было совместно с христианством некоторыми другими народностями для своих алфавитов, в том числе армянами, грузинами, коптами и абиссинцами, хотя алфавиты последних и не восходят по графике к греческому. К распространенному в литературе об истории письмен мнению, о полной случайности установления направления строки письма в различных письменностях, повторяемому и Л. Жирковым (см. Нов. Восток № 10—11 1925 г. стр. 231), мы не присоединяемся.

ветствующее нормальной мускулатуре человека, освобождающее от таких „трудовых процессов“, как вить веревку в обратном обычному направлении.

Теперь переходим к качеству движения. Латинская система требует для каждой буквы крупных и полных движений, тогда как арабские буквы, как и стенографические знаки, требуют мелких движений, превращающихся почти в одни зигзаги.

Мелкота и зигзагообразность движений ускоряют письмо, потому они усвоены и стенографией. Хотя мелкие движения представляют несколько большую трудность при обучении беглому письму, но наши татарские учителя знают очень легкий выход из этого положения: на первых порах они детям предлагают писать крупными буквами и только.

Переходим к вопросу о количестве движений. Если для того, чтобы написать татарское слово $\text{[} \text{ʃ} \text{ʌ} \text{]} \text{}$ балта (топор) по курсиву „рычка“ арабской письменности требуется, включая отдельные движения и все отрывы руки для точек, всего 8—9 импульсов движения, для написания того же слова латинскими буквами потребуется 13—14 импульсов движения. Опыты над значительным количеством слов показывают, что в среднем латинская система требует для написания одного и того же текста около 25—30 % большего количества импульсов движений, чем при писании того же текста арабской системой.

Критики арабской системы шрифтов особенно нападают на нее за систему точек, которые требуют двойных отрывов пера от бумаги: во первых, для перехода от основных начертаний к точке и, во вторых, для перехода от точки к следующей точке или к следующему слову; конечно, наличие точек увеличивает количество импульсов движений и является внутри данной системы шрифтов минусом в отношении скорости письма. Но если и со включением всех отрывов руки и прочих движений для установок точек, по арабской системе,—благодаря простоте начертаний особенно употребительных в тюркских языках букв, вроде $\text{ }^{\text{1}} \text{ (a) }^{\text{2}} \text{ (d) }^{\text{3}} \text{ (r) }^{\text{4}} \text{ (l) }^{\text{5}} \text{ (a) }^{\text{6}} \text{ (y) }^{\text{7}} \text{ и т. п.}$, требующих в связанном письме в составе слова всего одного импульса движения на каждую букву, а в некоторых случаях, при соседстве с соответствующими буквами, буквы „ ^{1} “ и „ ^{2} “ при скорописи совсем не требуют самостоятельных импульсов, сливаясь в один импульс движения с предыдущей буквой,—если все же при нормальной рукописи, для одних и тех же слов и фраз, получается общее количество движений на 25—30 процентов меньше, чем при латинской системе, то отрывы для точек вполне можно простить арабской системе. Здесь необходимо оговориться, что по арабской системе, в нормальной скорописи тюркских народностей двойные точки в письме заменяются короткими черточками,

а тройные точки—дугой или небольшим углом, и мы в наших сравнительных расчетах исходили из скорописи, а не из каллиграфии и не из форм письма при первоначальном обучении грамоте.

Более естественное направление мелких движений письма, стенографический характер штриха без линий полного оформления, меньшее количество импульсов движений, а также ускорение зрительного контроля уже написанных слов в связи с более скорой читаемостью рукописного текста (см. предыдущую главу),— все это, взятое в целом, несмотря на наличие точек, дает значительно большую скорость письма по арабской системе, чем по латинской. Сравнительные опыты над записью одного и того же татарского текста по кряшенской орфографии русскими буквами и по татарской орфографии арабскими буквами, групповые опыты над русскими и татарскими учениками по скорости записи текстов теми и другими на родном языке соответственных по количеству входящих в них букв и другие подобные опыты—дают в целом определенную закономерность, дающую в арабской системе большую скорость письма в среднем на 30—35 процентов. Конечно, можно придумать отдельные слова, требующие по той и другой системе более или менее одинакового времени, но тут мы говорим, не об отдельных словах и не об искусственных фразах.

В арабской системе письма принято то же самое расположение десятичных знаков цифр, как и в латинской системе, т. е. единицы располагаются справа, десятки, сотни и т. д. уже располагаются влево от цифры единиц, хотя многозначные числа в тюркских языках имеют синтаксическое расположение, начинающееся с тысяч и сотен и кончающееся единицами. В арабском языке, в котором синтаксическое расположение многозначных чисел начинается с единиц и кончается тысячами и т. д.—такой порядок расположения цифр в письме нормален, и соответствует их языку, не имея внутреннего противоречия с общим направлением строки письма. В тюркских языках это создает некоторый диссонанс в направлении писания цифр, с общим направлением строки; исходя из направления строки письма, в тюркских языках при письме цифр единицы должны были бы располагаться слева, а тысячи и т. д. справа¹⁾. Но в силу установившейся традиции, а также, главным образом, для сохранения международного единства обозначения многозначных цифр, тюркские языки все же сохраняют общеупотребительное расположение цифр. Конечно, это расположение цифр и в дальнейшем должно сохраняться в том же виде, так как с точки зрения законов процесса чтения это обстоятельство затруднений не делает; а с точки зрения

¹⁾ Частичное аналогичное противоречие расположения цифр с их произношением имеется и в немецком языке: сравни расположение „25“ и „fünf und zwanzig“

процесса письма, при встрече в строке цифр, требует только рисования иероглифа данного комплекса цифр начиная слева, с предварительным оставлением в строке пустого места, необходимого для установки всех знаков данного числа; долговечная практика турецких народностей показывает, что это практически большого неудобства не представляет; а при письме на пишущей машине это потребует писание цифр начиная с единиц и кончая тысячами, что также легко удастся машинистке после некоторой практики, тем более не представляет затруднения при копировании на машинке написанного текста, с чем и приходится обыкновенно иметь дело машинистке. Сказанное о направлении письма цифр относится и к написанию математических, химических и прочих знаков и формул, каковые в татарской письменности приняты также в их западно-европейском изображении.

Что касается вопроса о применении пишущих машин к арабской системе, то к существующим системам этих машин без некоторого изменения их конструкции невозможно установить арабские шрифты. Здесь требуются следующие изменения в конструкции машинок: 1) установление горизонтального хода валика в обратном направлении, в связи с обратным направлением строки; 2) ввиду неравномерной горизонтальной ширины букв арабской системы, установление, вместо однообразных тактов латинской машины, 2—3 или 4 такта движения валика при ударе по клавишам; 3) при применении к неререформированным шрифтам, имеющим до четырех начертаний одной буквы, необходимо еще добавление второго или третьего дополнительного регистра, в зависимости от системы машины.

Первое и третье неудобства устраняются легко и они осуществлены давно; второе же неудобство весьма простым способом устранено только в последнее время инженером Шайх-Али в Казани. Существовавшие до последнего времени пишущие машины различных немецких, английских и пр. систем с арабскими шрифтами были довольно неудобны для практического массового пользования; сведение типографских знаков каждой буквы, почти без изменения общего начертания иероглифа слова, вместо прежних четырех, к двум, и вместо прежних двух в „^а“, „^б“ и т. д., к одному—делает совершенно излишним дополнительный регистр; а последние реформированные шрифты в Казани, со сведением типографских знаков всех букв к одному, даже при нормальных для латинской системы регистрах, дает возможность в одной и той же машине установить два алфавита, различных по рисунку или крупноте. Так, в Казанской мастерской по заготовке пишущих машин с арабскими шрифтами, работающей под руководством названного инженера, по последней конструкции пишущие машины заготавливаются с приспособ-

соблением для письма на татарском языке с арабскими реформированными буквами; если повернуть соответствующий рычаг, эта же машина уже пишет на русском языке с русскими буквами, установленными на верхнем регистре. При этом русские буквы взяты несколько уменьшенные заглавные, без особых строчных. Эта конструкция с двойным шрифтом представляет большое удобство для волисполкомов, кантонных и районных учреждений Татарской Республики, ввиду практикующегося двуязычия в делопроизводстве и сношении учреждений с населением, избавляя от необходимости иметь две отдельные машины для письма на русском и татарском языках¹⁾.

То обстоятельство, что арабская система шрифтов начинает приспособляться к усовершенствованиям техники только в последние годы, объясняется общими экономическими и культурно-историческими условиями жизни. Так, при старом режиме, когда все государственные учреждения бывшей российской империи и в районах 20 миллионов тюркских народностей работали исключительно на русском языке, а ввиду экономической отсталости не было практической нужды в пишущих машинах для частного и домашнего употребления, то и не могло быть спроса на пишущие машины с арабским шрифтом применительно к тюркским языкам. Когда же после революции, в связи с образованием национальных автономий, стали применять в их госучреждениях местные языки, появился спрос на эти машинки, появились и предложения различных проектов по их усовершенствованию. По мере культурно-экономического роста данных народностей, будут расти и технические усовершенствования. Также съезды и конференции с речами на татарском языке создали некоторую потребность в применении к татарскому языку стенографии; начали разрабатывать соответствующую систему стенографии, при чем, ввиду указанной выше большей естественности направления движений справа налево, а также для согласования с привычками обыкновенного письма, эта стенография, применимая к татарскому и др. тюркским языкам, будет писаться, в отличие от стенографии запада, справа налево.

¹⁾ Одним из „основных“ недостатков арабской системы письма Л. Жирков считает несовпадение ее направления с направлением системы записи музыкальных нот, что затрудняет подписывание под нотами соответствующего вокального текста. Здесь заметим, что нотная система касается пока очень ограниченного круга лиц среди тюркских народностей; если в будущем пользование подобными нотами станет более или менее массовой необходимостью, то, может быть, придется поставить вопрос об изменении направления нотной системы для восточных народностей, тем более, как говорят некоторые специалисты, западно-европейская нотная система в некоторых отношениях не вполне удовлетворяет особенностям тюрко-монгольской музыки; а пока же придется пользоваться зеркальной записью текста, что и практикуется.

VI. ОБУЧЕНИЕ ГРАМОТЕ.

Сущность процесса обучения грамоте и его связь с процессами чтения и письма. Аналогии между обучением чтению и развитием устной речи у детей. Исходные моменты звукового и американского методов обучения грамоте. Существует ли особый процесс чтения у детей? О значении неслитности печатных букв для обучения чтению. Процесс обучения письму и чтению рукописного текста. Вопросы орфографии при обучении грамоте. Сравнение арабской и латинской системы с точки зрения обучения чтению, письму и орфографии по методам звуковому и целых слов.

В предыдущих двух главах мы выяснили сущность процесса чтения и процесса письма, при чем пришли к выводу, что первое из них является процессом зрительного восприятия иероглифов уже знакомых нам слов, общее начертание которых конструируется в зависимости от входящих в их состав звуков; процесс же письма, как мы выяснили, сводится к рисованию этих иероглифов в несколько измененном от печатного виде, главным образом, на основе моторной памяти, передаваемой через мускулы пальцев и руки. Хотя и в первой и во второй работе участвуют иероглифы слов и являющиеся их конструктивными частями буквы, но все же эти процессы по своему характеру совершенно различны; первый из них основывается, почти исключительно, на зрительной памяти, второй, — главным образом на моторной; поскольку оба процесса различны по характеру, постольку и приемы обучения и создания навыков к ним также различны.

Обучение чтению сводится к созданию у обучающегося достаточного навыка для моментального узнавания встречающихся в тексте иероглифов слов с одновременным ассоциированием понятий, которым они соответствуют. Существуют два основных практических метода обучения грамоте, совершенно отличающихся между собой по своему подходу к вопросу. Первый и более старый из них—звуковой метод, в своих ортодоксальных и не ортодоксальных разновидностях, исходным пунктом при обучении грамоте берет не момент создания нормального процесса чтения у обучающихся, а момент ознакомления с самой системой конструкции начертаний иероглифов слов. Здесь в первые месяцы обучения главную роль играет ознакомление обучающихся со звуками, как составными частями устного слова, и начертаниями печатных и рукописных букв, соответствующих этим звукам, а также создание, приемами анализа и синтеза, навыка у детей сливать соседние звуки слова, т. е. навыка делать соответствующую экскурсию и рекурсию органов произношения между основными укладами соседних звуков,

исходя из их буквенного начертания. Этот метод обучения, берущий исходным пунктом логическо-звуковое построение рисунка иероглифов, для обучения грамоте взрослых в ликпунктах в своих аналитических разновидностях, хотя и применим в той или иной степени, но как метод логический и формальный, а не психологический, является методом глубоко непедagogичным для обучения детей и малышей. Как мы указали, процесс письма и чтения имеет много общего с процессом устной речи и слухового ее восприятия. Продолжая эту аналогию и в вопросе процесса обучения чтению, мы можем сравнивать последний с процессом развития речи у ребенка. При развитии речи у ребенка, в части, касающейся, например, животных, сначала мы знакомим детей с лошадью, коровой и другими окружающими животными в целом, и только после твердого зрительного ознакомления со многими животными, имеющими по две или по четыре ноги или имеющими уши и хвост, можем говорить о ногах, хвосте и ушах данного отдельного животного; а о терминах копыто, грива, ноздри и т. д. придется говорить еще позже. Звуковой же метод, по грубой аналогии, как бы знакомит детей сначала по отдельности с головой, шеей, копытом и ногой, хвостом, гривой и туловищем лошади (ознакомление звуками и буквами), дальше заставляет детей складывать все эти части в одно (слияние) и самим приклеивать эти части (создание экскурсии и рекурсии между звуками), и наконец, узнавать в получающейся целой фигуре лошадь (иероглиф всего слова).

Другой же метод обучения грамоте, так называемый метод целых слов или „американский“—исходным пунктом берет, не отдельные звуки и буквы, входящие в данное слово, а показывает детям сразу целые слова, напр., „мама, папа, Маша, Паша и т. д., и соответствующими приемами развивает и закрепляет у детей процесс запоминания и узнавания рисунков иероглифов слов; когда у детей будет достаточно богатый запас иероглифов слов, в которых фигурируют слоги „ма, па, ша“ и т. д., и эти слоги начнут выделяться в сознании детей самостоятельно, учитель путем аналогий знакомит детей с конкретными слогами, вошедшими в состав многих уже знакомых им слов; и только в последнюю очередь идет уже выделение из знакомых слогов соответствующих букв в порядке выявления самой системы конструкции иероглифов. Здесь обучающиеся идут от целого к частям, от психологического восприятия целого, к логическому объяснению частей, а не наоборот. У детей при этом создается с самого начала правильный процесс чтения знакомых им иероглифов слов; по мере накопления запаса знакомых слов с различными сочетаниями слогов и звуков, в дальнейшем уже легко бывает обучающимся, по той или иной аналогии со знакомыми иероглифами, узнавать и иероглифы слов, еще им не зна-

комых; дальше после некоторой практики в чтении и эти слова постепенно превращаются в знакомые иероглифы в целом, и обучающийся становится грамотным.

С мнением звуковистов о том, что будто бы у детей существует особый процесс чтения, отличный от процесса чтения взрослых, и будто бы дети читают не целыми словами, а отдельными буквами, сливая их дальше в слоги и слова, мы не соглашались. Такой процесс чтения действительно бывает в первые годы обучения, при том не только у детей, но и у взрослых в ликпунктах, если обучать их по звуковому методу; а если обучать их по последовательно проведенному методу целых слов, этого ни у детей, ни у взрослых не бывает. Дети и при звуковом методе, после долгих мытарств со слияниями и практики над чтением, оставаясь детьми же, все же приобретают процесс чтения целыми словами, общим зрительным восприятием всего иероглифа слова. Поэтому первоначальный процесс чтения по буквам и слогам, наблюдающийся у обучаемых по звуковому и букво-слагательному методам, нельзя рассматривать, как особый „детский“ процесс чтения, а вернее будет, если мы подобный процесс назовем „процессом чтения полуграмотных, обучившихся по звуковому или по букво-слагательному методу“.

Так подробно мы принуждены были остановиться на методах обучения грамоте, с одной стороны, ввиду недостаточного наличия в знакомой нам соответствующей русской литературе разбора трактуемого вопроса с интересующей нас точки зрения, с другой—ввиду наличия в статьях сторонников принятия латинского шрифта заявлений о том, что по латинской системе, ввиду неслитности у ней начертаний печатных шрифтов, будто бы, легче совершается обучение грамоте, и что, будто бы, эта система поэтому в большей степени соответствует процессу чтения детей¹⁾. Поскольку все эти заявления основываются на, так называемом, „детском процессе чтения“ и исходят от звукового метода и его аналитических разновидностей, являющихся как бы уступкой „звуковистов“ методу целых слов, практикующемуся почти во всех школах Америки, в боль-

1) См. Агазада Фархад «نه ایچون عرب حرفلری تورک دیلیне یарамیر» Баку 1923 г. стр. 68—77. То же имеется и у других. Цитируемый автор, являющийся главным теоретиком в Азербайджане по обоснованию необходимости введения латинского шрифта и выпустивший по этому вопросу книгу большого формата в 200 страниц на местном наречии,—и в вопросе обучения грамоте, как и в вопросах удобства чтения и письма, всегда путает вопросы орфографии с вопросом о шрифте. Конечно, путанная и неустановленная орфография большое неудобство при обучении грамоте, и ее надо постепенно выпрямить и не отставать от других тюркских народностей в этом отношении; но для выпрямления орфографии, как видно из практики других тюркских народностей, совсем нет нужды менять систему шрифта; ведь при новой системе шрифтов все равно придется устанавливать какую то систему орфографии.

щинстве стран Западной Европы, постепенно вытесняющему звуковой метод и у нас в СССР, в частности, среди татар и некоторых других тюркских народностей,—то относительно этого заявления ограничимся сказанным выше.

Обучение же рукописному шрифту сводится к двум моментам: во первых, к созданию процесса чтения по рукописному тексту, что необходимо обучающемуся для свободного чтения рукописных текстов, а также для постоянного зрительного контроля во время письма над своими написанными рукописными иероглифами слов; во вторых, к созданию у обучающегося моторной памяти для писания-рисования рукописных иероглифов слов. Процесс обучения по первому из указанных пунктов аналогичен с процессом обучения чтению печатного текста; обучение самому же письму распадается на два момента: первый из них—обучение правильному нанесению в письме основных, наиболее часто встречающихся составных элементов рукописных иероглифов и наиболее экономному и общепринятому связыванию их в целые иероглифы слов, а второй—создание уже самой моторной памяти, путем многократной практики в писании чаще встречающихся слов, конечно, в связном тексте, с тем, чтобы рисование этих иероглифов постепенно приблизить к вполне механическому письму грамотных.

Если обучение рисованию базируется на срисовывании с натуры или с готовых рисунков, то процесс обучения письму, аналогично, должен базироваться на списывании с рукописного текста, так как это облегчит зрительное и моторное закрепление правильных и общепринятых иероглифов рукописи как в отношении графики, так и орфографии. Что касается самой орфографии, то здесь для легкости обучения чтению и письму имеет значение не только близость письменного языка к устному произношению, но еще больше играет роль последовательная установленность и единство орфографии; только при единой и твердой орфографии иероглифы как печатных, так и написанных слов в различных случаях и у разных лиц и в разных текстах бывают одинаковые, а это является необходимостью не только для нормального течения и развития процесса чтения, но и для единообразного правильного развития зрительной и моторной памяти у обучающегося. Единая орфография у каждой народности является одним из основных элементов кристаллизации своей письменной культуры; единые условные знаки слов у всего народа, объединяемого под одной письменной культурой, являются ключом взаимной передачи мысли и знаний. Поэтому американцы, англичане, французы и друг. культурные народы, несмотря на значительные недостатки в своей орфографии, все же держатся крепко за единую установленную орфографию, вводя только мелкие изменения и в самых необходимых для практики случаях. Да и в русской орфо-

графии, хотя после революции были введены некоторые изменения, но эти изменения почти не коснулись основных ее элементов, какие-либо далеко не соответствуют фонетической конструкции слов русского языка¹⁾; практическая орфография в полной фонетичности и не нуждается; ей нужны с точки зрения легкого усвоения только единообразие, последовательность и возможная простота конструкции иероглифов слов, независимо от полного или неполного соответствия устному произношению. У азербайджанцев и турок основной бедой в отношении орфографии является так же не момент отсутствия полной фонетичности, а главное, общая неустановленность у них орфографии, полная непоследовательность в тех частях орфографии, каковые более или менее установлены, а также сохранение орфографии слов, заимствованных из арабского, персидского и других языков, в том виде, как они пишутся у арабов, персов и т. д., без подчинения принципам своей орфографии; последнее обстоятельство, при изобилии у них заимствованных слов, дает возможность стать вполне грамотным только после изучения арабского и персидского языков, а это является непростительной роскошью для народностей, нуждающихся в распространении массовой грамотности и в массовом культурном развитии.

Переходим к сравнению арабской и латинской систем шрифтов с точки зрения первоначального обучения. Поскольку обучение чтению, в конечном счете, сводится к созданию у обучающихся навыка в узнавании печатных и рукописных иероглифов слов, то арабская система в целом, большей характерностью общих начертаний слов, является более удобной и для первоначального узнавания и закрепления их в зрительной памяти обучающимися, следовательно и для обучения чтению, чем латинская система с однообразными иероглифами слов (см. гл. IV). При этом необходимо указать на один недостаток арабской системы, исходящий от наличия четырех начертаний большинства букв нереформированных арабских шрифтов и сводящийся к тому, что иероглифы слов, вроде قازان (Казань), قازاق (Казак), تاغ (таг—заря), после присоединения к ним различных последогов частично меняют свой рисунок; так в словах قازاندا (в Казани), قازاقلار (казакки), تاغدا (к заре), для тех же слов мы встречаем уже несколько видоизмененные иероглифы в виде تاغدا, قازاندا, تاغدا. Это является частичной непоследовательностью в конструкции иероглифа основы слова, и в период обучения грамоте создает необходимость учета этой разновидности начертания иероглифа. У реформированных арабских шрифтов, с сохранением только одного начертания буквы этот недостаток устранен. Латинская

¹⁾ Все моменты этого несоответствия ясно представляются при сопоставлении одного и того же русского текста, написанного по фонетической транскрипции и по практической орфографии.

система указанного недостатка не имеет, за то у нее имеется более значительный недостаток: в латинской системе, ввиду значительной разницы в рисунках рукописных и печатных букв, обучающемуся приходится запоминать по два весьма отличающихся в целом иероглифа для каждого слова; а у арабской системы, ввиду большой близости печатных и рукописных начертаний, последний недостаток почти отсутствует. Кроме того, и большая простота основных элементов письма в арабской системе облегчает первые моменты обучения по ней.

Ввиду все еще большой распространенности звукового метода, несмотря на его непедагогичность, мы все же считаем необходимым дать сравнительную оценку шрифтов и с точки зрения этого метода. Если в основе обучения грамоте иметь звуки и буквы, то по латинской системе придется для ознакомления с каждой буквой показывать обучающимся четыре весьма отличные ее начертания: заглавное и строчное—печатные, заглавное и строчное—рукописные. По арабской же системе в unreformированном виде $\frac{1}{3}$ букв имеет по 2 начертания: соединяющуюся и несоединяющуюся с предыдущей буквой справа, остальные $\frac{2}{3}$ букв алфавита—по 4 начертания каждой буквы, при чем общих для печати и рукописи; а по последней реформированной арабской системе имеется только одно начертание каждой буквы, общее для печати и рукописи. Если возьмем первые буквы латинского алфавита, то соответствующие начертания сведутся к следующим знакам:

По латинской системе	По старо-арабской	По реформированной арабской
A a <i>A a</i>	ا	ا
B b <i>B b</i>	ب ب ب ب	ب
C c <i>C c</i>	س س س س	—
D d <i>D d</i>	د د	د
E e <i>E e</i>	ي ي ي ي	ي
и т. д.		

Если обратим внимание на разновидности unreformированных арабских шрифтов, то увидим, что они отличаются от основного начертания, сохраняющегося и после реформы, только наличием во второй и четвертой разновидностях, соединительной черточки с правой стороны; в тех буквах, где имеется вторая пара, последняя отличается от первой пары, в большинстве случаев, только прибавлением хвостика-росчерка, так как эта пара начертаний бывает только в конце слова. В шрифтах, приготовленных по проектам татарских работников по шрифту Тукаева и Бурнашева, употребляющихся частично в печати Поволжья, Узбекистана и друг. местностей, второе и четвертое начер-

тания совершенно отброшены, третье начертание оставлено почти без изменения для конца слова, а едва измененное первое начертание заменяет и первое и второе начертание. Таким образом, если обучать по букварям, напечатанным этими шрифтами, то для $\frac{1}{3}$ букв будем иметь только одно начертание, а для $\frac{2}{3}$ — по два начертания. Если же взять последний проект реформы, то вместо четырех латинских, — придется детям показывать только одно начертание каждой буквы. Так что, в отношении числа начертаний букв, ознакомление с которыми необходимо при обучении грамоте по звуковому методу, латинская система уступает не только реформированному, но и полуреформированному и нереформированному арабским шрифтам. Таким образом, единственное небольшое преимущество латинской системы с точки зрения звукового метода сводится к раздельности печатных букв, дающей возможность яснее видеть каждую отдельную букву в составе слова. Но поскольку и при звуковом методе в дальнейшем все же приходится переходить к созданию у обучающегося нормального процесса чтения, то уже дальше и здесь начинает играть роль исключительно характерность рисунка всего иероглифа слова, следовательно, преимущество переходит к арабской системе. Итак, в вопросе удобства обучения и распространения грамотности, тем более при применении более естественных и педагогических методов, непосредственные качества шрифтов той и другой системы дают преимущества арабской системе. Если же иметь неустановленную, путанную орфографию, а в деле обучения применять допотопные или устарелые методы, то тут система шрифта, какая бы она ни была, мало поможет делу. В странах с более или менее рационально установленной твердой орфографией задача педагогической мысли заключается не в ломке установленных иероглифов, зрительных и моторных привычек всего грамотного населения, а сводится к исканию и применению более педагогичных и удобных путей для усвоения обучающимися письма и чтения в том виде, как они установлены. В странах же с путанной, неустановленной орфографией, конечно, необходимо ввести единую и, по возможности, рациональную орфографию, при чем, это упорядочение должно проводиться также постепенно и в плановом порядке, чтобы не создать значительного единовременного отрыва от письменности в процессе чтения и письма уже грамотной части населения. Эти новоустановления нельзя начинать только со школы, тут по возможности вся печать данной письменности должна идти в ногу; обратная практика, как показывают опыты некоторых народностей, не приводит к массовой реформе орфографии, т. к. общая печать и литература, а также массовая практика грамотных взрослых остаются мощной базой для рецидива старой орфографии у подрастающих поколений.

VII. ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА И ОСНОВЫ РЕФОРМЫ АРАБСКОГО ШРИФТА.

Первое приспособление арабских шрифтов венецианцами к типографии и неудачные моменты этого приспособления. Ревизия и реконструкция этого приспособления, начавшиеся в связи с культурно-политическим возрождением народов Востока. Различные стадии реформы. Принципы и границы реформы. Латинская система и полиграфическая техника. Препятствия к использованию готовой техники. Сравнение различных стадий развития арабской системы с современными латинскими шрифтами с точки зрения различных моментов полиграфической техники и экономической выгоды.

Изобретение книгопечатания, представляющего из себя средство массового распространения печатных произведений, является одним из основных поворотных моментов в истории культуры человечества, так же, как и появление звукового письма, имеющего предпосылки для обучения грамоте широких кругов населения, ввиду несравнимо большей легкости овладения им, чем письмом иероглифов идеографических или чисто условных, не имеющих под собой односистемной конструкции, исходящей от звукового состава слова, изображаемого данным иероглифом. Если китайская и египетская культуры, имеющие историю в несколько тысячелетий, однако же, благодаря отчасти их системе письма, как бы застыли в своем развитии, то античная и арабская культуры не могли стать достаточно массовыми, ввиду отсутствия у них техники книгопечатания; последний момент косвенно мешал не только дальнейшему развитию этих культур, но также прикладному отражению и валичных теоретических достижений в массовой общественно-экономической жизни. Арабская письменность была введена в типографскую технику в начале XVI века, т. е. спустя несколько столетий после заката культурно-политического могущества арабов, когда при общих условиях их дальнейшего развития и осуществленное книгопечатание не могло уже получить широкого распространения. При том арабские шрифты впервые были введены в типографскую технику не самими арабами, знакомыми со всеми разновидностями и стадиями развития этой системы шрифтов, а итальянцами в Венеции только по первым попавшим, наиболее распространенным в ту эпоху образцам арабской рукописи, тогда как латинские шрифты были приспособлены для книгопечатания, как мы знаем из истории письменности европейских народностей, хотя в той же Венеции, но не по образцам своей рукописи, а по тем более удобным для типографии начертаниям букв, какие они видели на дошедших до них античных римских и греческих мраморных памятниках, хотя эти-

начертания в эпоху начала книгопечатания уже не употреблялись в широкой практике ¹⁾; этим в значительной степени объясняется и двойственность начертаний печатных и рукописных букв в современной латинской системе. Арабские буквы в первую эпоху могущества арабов, не только не имели точек, но имели всего по одному начертанию каждой буквы. Если прибавление точек было вызвано потребностью более точной фиксации в письме звуков, т. е. большей рационализацией орфографии арабского языка и не вносило никаких неудобств для типографского применения этих букв, то увеличение разновидностей начертаний одной и той же буквы в зависимости от положения в той или иной части слова, или в зависимости от соседних букв, вызванное исключительно процессом письма и условиями скорописи, естественно вносило некоторые неудобства для типографской техники, увеличивая число потребных для типографского набора знаков букв. Лица, первоначально приспособлявшие арабские шрифты к типографии, ввиду своего недостаточного знакомства с тем, что можно менять, что нужно сохранять, действовали неуверенно и слепо подражали копируемым рукописям. Конечно, подобное приспособление стоило значительных трудов и требовало большой изобретательности, но вместе с тем повело к тому, что для арабского языка, имеющего всего 29 основных букв в алфавите, создана была типографская система шрифтов в более чем 200 знаков, не включая цифр, знаков препинаний и т. п. Основные отрицательные моменты первоначального приспособления арабских шрифтов к типографской технике сводятся к следующим моментам: 1) Были введены самостоятельные типографские знаки для двух, иногда даже трех букв в виде «*ن، ل، ك، ه، ح*» и т. д., когда их вполне можно было изображать в печати составными знаками в виде: «*ن، ل، ك، ه، ح، ل، ح، ك، ه، ح، ل، ن*»; в случае непринятия этих совершенно излишних для типографии знаков, число арабских типографских знаков сократилось бы сразу на 25⁰/₁₀₀, т. е. до 150. 2) Встречая в рукописи форму «*خ*» для обозначения звука „х“ в середине слова, они вместо того, чтобы придать этой букве в печати другую допускавшуюся форму «*ح*», упрощающую технику, оставили ее в первом виде. Принятие соответствующей формы для обозначения букв «*ح، خ، ح، ح*» в середине слова заставило, в целях сохранения слитности слова, иметь для всех букв, встречающихся перед указанными звуками, по два типографских знака—одно выше поставлен-

¹⁾ Более близкая к рукописи того времени, при том более красивая в отношении рисунка и впервые приспособленная Гутенбергом для книгопечатания готическая форма латинского шрифта была постепенно вытеснена не только из итальянской, но и из французской и английской печати, сохранившись только в германских странах.

ное—перед «*ء*», другое ниже поставленное — для нормального положения; таким образом, почти для всех букв алфавита из-за этого сделаны были по два совершенно однообразных по рисунку типографских знака для „верхней“ и „нижней“ линии. Если б взято было начертание «*ء*», то знаки всех начертаний верхней линии были бы излишни, тогда общее количество знаков сократилось бы еще на 25^{0/100}, т. е. до 100. 3) Основная же неудачность применения заключалась в том, что граница между (буквами была проведена в неудобном виде для типографской техники: напр. в слове *بنا*, состоящем из букв *بنا* границу между *ب*—*ن* надо было, провести справа как раз около точки *ن* т. е. передав соединительную черточку к «*ب*», тоже самое для «*ا*» не было нужды взять «*ا*», т. е. особого знака с соединительной черточкой, если бы эту соединительную черточку передать к предыдущему «*ن*». Таким образом, отнесением соединительной excursии к последующей букве, а не к предыдущей, создалась необходимость для всех букв алфавита иметь особые знаки для случаев соединения их справа. Правильное же проведение соединительной черточки дало б сокращение числа знаков еще на 50. Итак, если бы с самого начала при приспособлении к типографии арабского шрифта, избегая копировки рукописного до абсурда, взяли бы другое допустимое начертание для «*ء*», правильно отнесли бы соединительную черточку и не прибегали бы к знакам, одновременно указывающим 2—3 буквы, иногда целые слова,—то даже сохраняя полную близость к рукописному „наسخ“ (*نسخ*), можно было бы тогда же, вместо 200, установить всего 49 типографских знаков. В этом случае для 9 букв основного арабского алфавита получилось бы по одному типографскому знаку, для остальных 20 по два знака. Далее, вторичные знаки, употреблявшиеся по „наسخ“ в конце слов, и в большинстве своем отличавшиеся от основных начертаний только прибавлением росчерка, как в «*ب، ت، ث، ف، ق، س*» и т. д., исходя от арабских почерков куфийского и некоторых других, также можно было совсем не вводить в типографиях. Тогда 29 арабских букв сохраняя свой связанный характер рукописи и не удаляясь от нее,—имели бы только 29 типографских знаков. Венецианская форма арабского типографского шрифта получила широкое распространение в мусульманском мире; ею впервые были напечатаны коран, молитвенники, богословские, медицинские и другие книги на арабском и на некоторых других восточных языках. Эта форма шрифта удержалась и у тюркских народностей в России. В том же XVI веке, несколько позже венецианской, выработана была и другая форма применения арабского шрифта для типографии во Франции; французская форма по рисунку была красивее венецианской, но в

отношении типографской техники она была еще неудобнее, так как, сохранив почти все недостатки венецианской формы, еще в большей степени ввела типографские знаки с двойными и тройными буквами; кроме того, в них для начальных начертаний букв иногда точки выделены были в самостоятельные типографские знаки, что значительно затрудняло работу наборщика. Эта французская форма привилась в турецких и отчасти в арабских типографиях. Раз введенные формы арабского типографского шрифта, со всеми 200 знаками, употреблялись по инерции без изменений почти до конца XIX века. Такое долгое существование так несовершенно приспособленных для типографии венецианской и французской форм арабского шрифта объясняется, во первых, общими экономическими и политическими условиями существования мусульманских народностей Востока, пользующихся арабским шрифтом, не дававшими возможности значительного развития у них полиграфического производства и подготовки из своей среды значительного кадра работников и специалистов в этой области; во-вторых, тем, что большое количество типографских знаков, нисколько не затрудняя процесса чтения и письма, являлось некоторым осложнением работы только узкой категории работников полиграфического производства, что при слабом развитии издательского дела не могло принять особенно широкого общественного значения, и в третьих, освященные долгим существованием и привычкой формы шрифтов настолько укоренились и вошли в традицию, что для конкретной и радикальной постановки вопроса об их ревизии и реконструкции потребовалось общее общественное возрождение соответствующих народностей, что в свою очередь связывалось с экономическо-политическим и культурным их возрождением. Начавшееся с конца прошлого столетия и особенно усилившееся с первых же лет настоящего столетия общественно-культурное возрождение мусульманских народностей начало отражаться и на вопросах техники письменности и шрифта. В 1882 году крымским татариним Ильясом Бураганским в Петербурге в словолитне Лемана, несколько позже А. Камалом и Юзеевым в казанских словолитнях и типографиях, также в каирских и константинопольских типографиях, вместо соответствующих венецианских начертаний, были введены начертания « $\text{ق} \cdot \text{ق} \cdot \text{ق}$ », что сократило число типографских знаков для букв до 150. Дальше постепенно начали выходить из употребления особые отдельные типографские знаки для двойных и тройных букв, что сократило типографские знаки букв до 100—110. Одновременно шел процесс пересмотра орфографий, и большее приспособление ее к особенностям языков соответствующих народностей. В связи с изменением орфографии в тюркских языках, а именно с одной стороны, прибавлением букв « $\text{ك} \text{ك} \text{ق} \text{چ} \text{پ} \text{پ}$ » и далее особых знаков для недостававших гласных « $\text{ا} \text{ؤ} \text{ئ}$ » — число

типографских знаков несколько увеличилось; с другой, ввиду выбрасывания из практической орфографии букв «ث، ذ، ص، ض، ط، ظ، غ»، соответствующих специфическим звукам только арабского языка, число типографских знаков сокращалось; изменения орфографии в целом, хотя и меняли состав знаков, но их общая численность в связи с этим почти не изменилась, оставаясь в пределах 100. Революция 1905 года в России, первые революции в Турции и Персии, последняя европейская война и прочие факторы развития общественной мысли поставили в отношении письменности на очередь вопрос о пересмотре правильного проведения границы между соседними буквами, т. е. вопрос об оставлении только двух и одного типографского знака для каждой буквы там, где по прежним формам соответственно было 4 и 2 знака, что должно было сократить число знаков еще вдвое; одновременно же дебатировался вопрос об оставлении во всех случаях только одного типографского знака каждой буквы. Реальное осуществление последних двух поправок произошло уже только на почве образования национальных автономных республик для тюркских народностей бывшей Российской империи, после Октябрьской Революции. Первая попытка осуществления в типографиях сокращения типографских знаков до одного начертания каждой буквы была сделана служащим словолитни и типографии Каримовых в Казани Маннаном Рахманкуловым в 1907 г., первая же попытка практического проведения оставления двух знаков среди тюрков была сделана типографией газеты „Танин“ в Константинополе в 1912 году. Эти первые попытки, как и некоторые дальнейшие опыты и проекты Алпарова, Максудова и других, до последней революции не дали практических результатов; не получили широкого успеха также проекты Идрисова, с сохранением только одного знака, отлитые в словолитнях Татарской Республики в 1921—22 г. Удачными оказались осуществленные только в 1924—25 г. проекты Бурнашева и Тукаева, установившие правильно и „удобно для типографии границы между буквами, сводившие типографские шрифты к двум начертаниям, вместо четырех, при чем общее число потребных знаков для реформированной орфографии тюркских народностей свелось приблизительно к 50, а для нерепформированной орфографии к 60—65 типографским знакам, не включая цифр, знаков препинаний и тому подобных [дополнительных типографских знаков общих для всех шрифтов. Тукаев разработал эту систему во многих разновидностях для афишных шрифтов, а Бурнашев— для массового типографского текста¹⁾; и те и другие образцы за

¹⁾ Образцы типографских шрифтов, заготовленных по проекту Бурнашева изданы в 1926 г. в Москве татарским кооперативным издательством „Наширят“. В этих образцах имеется до 100 различных по рисунку исполнений, из них первые десять исполнены хорошо; а в остальных Бурнашев пошел по пути фантазирования и „латинизации рисунка“; последние практического интереса не представляют.

короткое время получили значительное распространение в типографиях тюркских народностей СССР. Что касается проекта сведения к одному начертанию, то удачными являются проекты, осуществленные для крупных афишных шрифтов тем же Тукаевым, каковые уже получили значительное распространение¹⁾. Для массового типографского текста в данное время в Казанских словолитнях идет отливка шрифтов, приведенных только к одному начертанию каждой буквы, оставляющих только 30—35 знаков для реформированных орфографий,

- (1) كانكم انتم وشركاؤكم لى على لايفاج المجرمون اصحب الجنة
الله سبحانه وتعالى يخرج الحى من الميت كان فى البحر تاويله
- (2) برله شنگز بۇتن دۇنيا ئشچنلهرى! مستحب، كافى.
برله شنگز بۇتن دۇنيا ئشچنلهرى! مستحب، كافى.
- (3) برله شنگز بۇتن دۇنيا ئشچنلهرى! مستحب، كافى.
برله شنگز بۇتن دۇنيا ئشچنلهرى! مستحب كافى.
- (4) برله شنگز بۇتن دۇنيا ئشچنلهرى! مستحب، كافى.
برله شنگز بۇتن دۇنيا ئشچنلهرى! مستحب، كافى.

Различные стадии развития и реформы арабских типографских шрифтов.

¹⁾ См. „Образцы шрифтов Тукаева“ شعراة توكايفنىڭ خەرقلەر ئورنەكلىرى Уфа 1926 г. где имеется до 30 различных по рисунку афишных арабских шрифтов с одним начертанием и до 14—с двумя начертаниями. Работа Тукаева по арабским афишным шрифтам представляет значительные достижения в этой области.

35—40 знаков для нереформированных орфографий тюркских народностей. Выше мы дали одну и ту же фразу на татарском языке и несколько арабских слов в формах различных стадий развития арабских типографских шрифтов в одном и том же 20-м светлом кегле. Здесь первые две строки соответствуют первоначальной венецианской форме, с более чем 200 знаками; в следующих строках форма « \approx » замена формой « \approx », устранены самостоятельные знаки для соединенных букв и общее количество знаков падает до 100; в дальнейших строках, см. 3), дается форма изменения границы между буквами, с передачей соединительной черточкой к предыдущей, а не к последующей букве, как это было в венецианских формах; здесь число знаков сокращается до 50—60, в зависимости от той или иной орфографии; и наконец, под цифрой 4) дается тот же текст по последним отлитым по чертежам Шараф в Казанской словолитне реформированным шрифтам, с ликвидацией особых конечных начертаний букв, при котором остается только один знак для каждой буквы алфавита, и общее количество типографских знаков получается от 30 до 35, в зависимости от орфографий. После каждого вида, для ясного представления характера отдельных типографских знаков, мы даем тот же текст и в разбивку. Здесь мы дали типовые изменения конструкции типографских шрифтов в различные стадии развития, нарочно, по близким к венецианскому рисунку шрифтам; они в уменьшенных кеглях распространены почти по всему СССР. Среди тюркских народностей СССР — в данное время в массовой печати употребляется, в большинстве случаев, форма, указанная под цифрой 2), где для $\frac{2}{3}$ букв алфавита имеется по 4 знака каждой буквы, остальная $\frac{1}{3}$ букв имеет по 2 начертания. Шрифты Константинопольских и прочих словолитен по рисунку и исполнению в целом отличаются незначительно; но Константинопольские шрифты все еще отличаются значительным обилием соединенных знаков.

Что касается 3-й и 4-й стадий развития, то имеется несколько проектов реформы арабского шрифта, как с оставлением одного, так и двух начертаний. В подробный критический разбор отдельных проектов здесь мы не будем входить и ограничимся общими методическими указаниями для этого разбора. В отношении скорости чтения и письма сравнительные достоинства арабских шрифтов весьма высоки, и реформа должна сохранить те основные особенности шрифта, которые связаны с этими моментами (см. гл. IV и V); близость печатных шрифтов к рукописным, имеющая значение для ускорения обучения грамоте, также должна сохраняться (см. гл. VI); чтобы значительно не менять созданный процесс чтения и письма у всей грамотной массы, реформированные шрифты должны стремиться к максимальному сохранению установившихся в зрительной и моторной

памяти этой массы общих начертаний иероглифов слов. Все указанные моменты являются ограничениями простора реформы, но так как все они являются жизненными и массовыми моментами, то на деле, всякий проект реформы, недостаточно считавшийся с ними, в смысле массового распространения, определенно обречен на неудачу. Поэтому не только проекты реформы Харитоновой и Мустафина в Казани, Рамеевых в Оренбурге, Общества распространения просвещения в Константинополе и т. п. ¹⁾, являющиеся, по нашему мнению, плодом досужей фантазии,—не могли иметь никакого успеха, но даже шрифты Идрисова, одно время употреблявшиеся Казанскими типографиями и удаляющиеся от прежних шрифтов не в такой степени, как выше названные проекты, все же не смогли иметь достаточного успеха и не были приняты жизнью.

Каковы же недостатки арабского шрифта, и что должна дать реформа, и можно ли ее осуществить, не выходя за пределы указанных выше границ? Основным недостатком арабского шрифта, с точки зрения типографской техники, является большое количество знаков; этот момент, в особенности в случае употребления звукового метода, вносит лишние затруднения и в обучении грамоте. Из вышеприведенной таблицы мы видим, что переход отныне употребляющихся шрифтов, являющихся второй стадией развития, к третьей стадии, сводящейся, главным образом, только к перенесению границ между буквами, в целом почти совершенно не меняет рисунок иероглифа слова. Подобное сокращение типографских знаков и показываемых детям буквенных начертаний арабской системы до двух знаков для $\frac{1}{3}$ алфавита, и до одного знака у остальной трети алфавита,—как видно из текстов на различных тюркских языках, напечатанных шрифтами Бурнашева и Тукаева, можно произвести, выполнив требования исходных ограничений почти на 100 процентов. Теперь разберем, можно ли идти дальше по пути сокращения знаков, т. е. какие изменения внесет в иероглифах ликвидация последних остающихся параллельных знаков у $\frac{2}{3}$ букв алфавита? Эта реформа, т. е. переход от 3-й стадии к 4-й, фактически сводится к ликвидации особых начертаний букв, употребляемых в конце слова, со введением вместо них употребления основных начертаний и для конца слова. Так как $\frac{1}{3}$ букв алфавита уже при третьей стадии не имеет особых вторичных начертаний, и соответствующими буквами оканчивается обыкновенно до 40% слов текста на тюркских языках, то эти 40% иероглифов, с переходом от 3-й к четвертой стадии, совершенно меняться не будут. Буквы со вторичными начертаниями при четвертой стадии, если исходить из

¹⁾ Подробнее об этих проектах см. ниже в IX главе.

современной татарской орфографии, остаются следующие:

ب، ت، پ، س، ش، ف، ق، گ، ل، ن، ج، ح، ع، ك، ل، م، ن، ی.

Из этих конечных начертаний первые 10 имеют весьма незначительные отличия от основных начертаний, а остальные 9 несколько отличаются. Если к словам, оканчивающимся на эти буквы (в связи с их морфологическими изменениями прибавляется тот или иной послелог, то уже в конце основы их употребляется не конечное, а обыкновенное начертание; так слова: «تاب، ئات، باش، تايان، بول، سون، قاج، بلهك، كوم، سۇى» если прибавить к ним окончания дательного падежа или III лица настоящего времени изъявительного наклонения, то те же основы графически приобретают следующие формы:— «تابا، ئاتا، باشا، سونا، قاچا، بلهككه، كومه، سۇيه».

Итак, основы слов, оканчивающиеся на одну из вышеуказанных 19 букв, имеют две разновидности иероглифа, отличающиеся в конечной своей части; из них при полном исключении из употребления конечных начертаний букв одна разновидность иероглифа ликвидируется, другая остается. Поэтому для процесса чтения грамотной части населения соответствующая реформа не внесет значительного затруднения. Ликвидация особых конечных начертаний букв, в отношении восприятия грамотной частью населения с точки зрения процесса чтения, будет вполне аналогичным с усвоением русскими грамотными ликвидацией „ъ“ при последней реформе русской орфографии (там ликвидация дополнительного знака в конце слова, а здесь ликвидация хвостика росчерка в конце же слова); положительных же результатов эта реформа даст гораздо больше, чем ликвидация „ъ“: 1) она на 40% сократит число типографских знаков, по сравнению даже с 3-й стадией; 2) внесет единообразие и последовательность в конструкции иероглифов слова, ликвидирует параллельные разновидности иероглифов, и тем самым фактически облегчит процесс обучения письму и чтению; 3) и главное, ликвидация начертаний «ى، م، ع، ج، ح، ل، ك» даст возможность, не меняя общее очко крупноты шрифта, уменьшить его кегль (т. е. высоту типографской строки) на 15—20%, увеличивая этим самым на столько же вместимость числа строк в страницу типографского печатного листа, не говоря уже о полной ликвидации при этом верхних, нижних и боковых подрезок¹⁾, что также имеет значение для типографской техники. Итак, последняя проводимая реформа арабского шрифта, внося значительные технические и экономические выгоды и представляя удобства в отношении обучения грамоте, одновременно вносит очень небольшие, легко воспринимаемые изменения в процессе чтения, и поэтому имеет достаточно

¹⁾ Подрезками называются случаи выхода той или иной части очка типографской буквы за пределы ее основной призмы.

шансов на принятие и наличной грамотной частью населения. Поскольку в данном случае для процесса чтения почти безразлично, будет ли реформа шрифта совершена постепенно, с предварительным переходом сначала к 3-й стадии, потом уже к 4-й, или будет совершен переход сразу от 2-й стадии к 4-й,—постолько мы считаем допустимым, а по техническим соображениям лучшим, переход от употребляющейся ныне третьей стадии с четырьмя начертаниями непосредственно к четвертой, т. е. к одному начертанию, что даст возможность избежать лишней пертурбации шрифтов и наборных касс, переучивания наборщиков, а также освободит типографии от излишних материальных затрат для переходного момента.

تاتارستان سانسىياله ساويتلار جۇمهورىيەتىندە 1920-
 نچىد بىل 25 نچىد ئىيوندە تۇزىلدۇ. ھەر بىلىند، شول
 كۈندە بۇتد تاتارستاندا مىللى جۇمهورىيەتنىڭ يىللىق
 بەيرەمىد ياسالا. تاتارستاننىڭ باش قالاسى قازان شەھەرىدۇ.
 قازان، ئىدىل بويىنداغ شەھەرلەرنىڭ ئىك زورلارندىن:
 بۇل تاتارستانىك ھەم ئانگ تېرەسندەگىد چوواش. ئار،
 ماري ئۆلكەلەرنىڭ (ئىدىل - كاما ئىقتىسادى توبەگىنىڭ)
 ئىقتىساد. ھەم مەدەنىي مەركەز. بىوتوبەك 1921-1922-
 نچىد يىلىد قورقنىچلىد ئاچلىقدا بېك واتلىدى. خالىق ئاچ
 بالانغاچ قالىدى. ساويتد حاكىمىيەتنىڭ بولىنىشۇد ھەم
 ئاينىرم مىللەتلەر ئىشچىد ۋە ئىگىچىلەرنىڭ تىرىشلىغىد
 ئارقاسىنداغنا، بو جىرلەر ياكادان ئاياققا باسپ كېلەلەر.
 ھەزرىگىد مىللى جۇمهورىيەتلەر، بو توبەككە تۇرغان
 خالىقلارغا ئىقتىسادى ھەم مەدەنىي ياقلاردان ئۆسەرگە،
 ئىرىك، يول ئاچىدۇ.

تاتار ئەلىفباسىد ھەرقلەردۇ.

ا	ئ	ب	پ	ت	ج	چ	ح	د	ر	ز
س	ش	ع	ف	ق	ك	ك	ك	ل	م	
و	ۋ	ۋ	ھ	ه	ز	پ	،			

12-й кегль реформированных арабских шрифтов по проекту Г. Шараф¹⁾.

¹⁾ Во время печатания настоящей работы отлиты были только 20-й кегль реформированных шрифтов последней стадии по проекту Г. Шараф; их мы выше

Переходим теперь к конкретному сравнению арабской и латинской систем шрифтов с точки зрения типографской техники. Латинская система шрифтов имеет по два типографских знака для каждой буквы: заглавные и строчные начертания. Эта система уже вполне приспособлена для типографской техники, для наборных и пишущих машин. Все это имеется в Западной Европе применительно к алфавиту европейских народностей; но при принятии этой системы тюркскими народностями перспектива использования готовой техники запада, в значительной степени, отпадает: с одной стороны латинский алфавит, в том виде, в каком он существует на Западе, не удовлетворяет звуковой состав тюркских языков даже для практической орфографии ввиду недостатка букв почти на 30—40 проц. (см. гл. III); для обозначения звуков поэтому потребуется дополнение и изменение знаков, т. е. соответствующая реформа латинского алфавита. Это означает, что ни одним комплектом шрифтов без приливки дополнительных знаков в словолитнях, ни одной пишущей или наборной машиной, без внесения соответствующих изменений в них кустарными или фабричными путями, мы воспользоваться не сможем. С другой стороны, ни в одном городе, даже в таких центрах, как Казань, Ташкент, Самарканд, Оренбург, Уфа и Астрахань,—мы не найдем в типографиях даже нерезформированных латинских шрифтов в сколько нибудь значительном количестве. В этом отношении показателен рассказ Азербайджанского латиниста Ага-Зада о том, что в 1922 году, приступая к изданию букваря с латинским шрифтом, они не нашли во всех типографиях Азербайджана достаточного для этого типографского шрифта, а когда через пять-шесть месяцев был получен шрифт, специально заготовленный по заказу Азербайджана, то в Баку не нашлось ни одного наборщика, который сумел бы свободно набирать по латинской наборной кассе. Пришлось устроить специальные курсы наборщиков на 40 человек и т. д. (См. Ага-Зада „История возникновения нового алфавита в АзССР“ Баку 1926 г. стр. 13—20). Если в Баку, где еще во времена мусавитистов были латинисты и был издан первый букварь латинскими буквами, и где местное Правительство имело возможность оказывать не только морально-административную, но и достаточную материальную поддержку на пути использования готовой техники латинской системы пришлось перетерпеть большие мытарства, то и в других тюркских республиках не будет легче получить готовые и приспособленные к особенностям своего языка латинские шрифты, найти соответствующие наборные кассы и наборщиков.

привели; более мелкие же кегли—12-й, 10-й, 8-й и 6-й, мы здесь смогли дать только по не вполне отчетливым и не точным по размеру цинкографическим клише. Соответствующие кегли светлых и жирных шрифтов по проектам Г. Шараф и Алпарова в настоящее время отливаются в Казанских словолитнях. Имеются соответствующие проекты и в других тюркских республиках.

Латинская наборная касса Азербейджана имеет до 67 ящиков для букв, включая строчные и заглавные. Применение латинского шрифта к татарскому языку потребует приблизительно столько же ящиков. Татарские типографии в своих арабских кассах по практикующейся у них реформированной орфографии, но с шрифтами 2-й стадии при 4-х начертаниях имеют всего до 100 ящиков для самих букв. Итак, по старым арабским шрифтам количество ящиков наборной кассы на $\frac{1}{8}$ больше чем в латинской кассе. Реформированные шрифты третьей стадии уже имеют кассу для татарского набора по новой орфографии около 50 ящиков для букв, т. е. на $\frac{1}{4}$ меньше, чем при принятии латинского шрифта, а реформа последней стадии оставляет всего 31 ящик для букв, т. е. вдвое меньше, чем для латинской системы.

Что касается технических неудобств, в виде подрезок, то их в латинской системе нет, во II-й стадии арабского шрифта они в той или иной степени имеются, а в IV-й стадии реформы, как и в латинской, их не имеется. Норма дневной работы наборщика при старых арабских шрифтах, при большей кассе и наличии подрезок, на 10 — 15% ниже, чем при латинской системе, при реформе 3-й стадии норма набора, при равной квалификации наборщиков, должна быть приблизительно одинаковой по арабской и латинской системе; реформа последней стадии по вычислениям, должна дать при арабской системе до 10% большую скорость набора, чем по латинской или русской кассе. Стоимость шрифта по условиям техники словолитен, при равных условиях, должна быть приблизительно того же соотношения. Если теперь стоимость шрифтов арабской системы и вообще типографская работа несколько

تاتارستان سانسیمال ساولتلار جۇمھورییتمند 1920
 نچن بیل 25 نچن ئیوندا نۆزلدۇ. ھەر بیلنڭ سول
 كۆنۈدە بۇند تاتارستاندا میللیك جۇمھورییتمنك بلیق
 بھرمند سالسا، تاتارستانك باش قالاسق قازان شھەردە،
 قازان ئیدال بونداغى شھەرلەرنىڭ ئىك زورلاریدان؛
 بول تاتارستانك ھەم ئاك تېرەسندەك جۈولت، ئار،
 مارې ئولكەلەرنىڭ (ئیدال - كاما ئېقتىسادى ئوبەگىنىك)
 ئىقتىسادى ھەم مەدەنىي مەركەزى، بونوبەگ 1921-1922.
 نچن بیلغى قورقۇنچىل نچلقدان بىك واتلدى، حالقۇ ئاچ
 التىغاچ قالدۇ سازىد حاكىمىيەتنىڭ بولنشىۋون ھەم
 ئانۇرم مىللەتلەر ئىشچۇ ۋە ئىگىچىلەرنىڭ ئىرشانغى
 ئارقاسىنداغى، بو جىرلەر ياكادان ئاياققا باس كىلەلەر.
 جەزگىز مىللىك جۇمھورییتملەر، بو ئوبەگدە تۇرغاك
 حالقارغا ئىقتىسادى ھەم مەدەنىي باقارلار ئوسىرگە
 تىرگە بول ئاچدۇ.

ئاتار ئىلېقىاسد جىرقلەردۇ.

ا	ب	پ	ن	ج	چ	ح	د	ر	ز
ژ	س	ش	ع	ف	ك	گ	ك	ل	م
و	ؤ	ۇ	ھ	ه	ز	پ			

10-й келья реформируемых арабских шрифтов по проекту Г. Шарафа.

дороже, чем в русских типографиях, то это определяется общим меньшим развитием до сих пор полиграфической промышленности у тюркских народностей. Вместимость набора в нормальный печатный лист— в 16 страниц среднего формата (6,5×11)—обыкновенного русского книжного шрифта (12-го кегля без шпона, или 10-го кегля со шпоном)—около 40.000 знаков, а газетного 10-го кегля без шпона—около 50.000. Вместимость же арабских нереформированных шрифтов в печатный лист по Казанскому книжному и газетному шрифту 12 кегль „Нормаль“ со шпоном—около 40.000 знаков, а по 14 кеглю, употребляющемуся в Азербайджане и в Турции—со шпоном от 35 до 32.000; 3-й стадии реформированные арабские шрифты сохраняют, приблизительно, ту же вместимость, как и шрифты 2-ой стадии. Последней же стадии реформированные Казанские шрифты для массового газетного и книжного текста дают возможность употребления 10-го кегля со шпоном, дающую вместимость в печатный лист до 54.000 типографских знаков, при чем 12-й кегль „Нормаль“ II и III стадии, и 10-й кегль IV-й стадии, имея приблизительно одинаковую между собою читаемость, в этом отношении значительно выше стоят не только русского 10-го кегля, но и 12-го кегля. Восьмой кегль арабских реформированных шрифтов последней стадии, поскольку можно представить по чертежам и фотографическим снимкам, при наборе со шпонами, имеет вместимость до 65.000 знаков в лист. Не имея в руках точных данных о вместимости латинского шрифта, мы здесь исходили при сравнениях из русских шрифтов, но латинские в целом незначительно должны отличаться от русских. Итак, по различным моментам удобств типографской техники и стоимости продук-

تاتارستان سانسماک ساولتلر جومهوریعتی 1920-
 نچد بیل 27 نچد شیوندی تۇرلند. عفر میلئدیشول
 کۆندی یۆت تاتارستاندا میللی جومهوریعتی بیلگ
 بیریعتی یاسال. تاتارستانک بیلگ قاناس قازان شههری.
 قازان. ئیدل یوسیداع شههرلیریگ شک رورلوندان;
 بول تاتارستانک هم تائک تیرسئدک جویول، تار.
 مار تۆلکلرئیک (ئیدل - کالما ئقتیسار تیرسئدک)
 ئقتیسار هم مئدئت مرکزئ، بو تیرسئدک 1921-1922-
 نچد بیلگ قورقنچلئ ئاچلقد بیک وانلئ. حالق کالما
 یالغای قالد. ساوت خاکسبئتنک بولمشوؤ هم
 ئاتیرم میللئتلر ئسچد وه ئبگنچئلرئنگ توشلئد
 ئارقاسیداع، بو جویولر باکادان ئاقاقا یاسم کیلملر.
 عزرکئ میللی جومهوریعتلر بو تیرسئدک تۇرغان
 حالقارعا ئقتیسار هم مئدئت یاقلارده ئسرسئد
 تیرک بول ئاچد.

8-й кегль реформированных арабских шрифтов по проекту Г. Шараф.

ции и вместимости печатного текста, старые арабские шрифты незначительно уступают латинской и русской системе, а реформа последней, стадии ставит их выше латинских и русских шрифтов и в отношении условий техники и вместимости. В части, касающейся вместимости, как момента имеющего массовое значение, необходимо оговориться что в случае снижения читаемости и крупноты текста (т. е. практически, кегля шрифта) до степени читаемости латинского и русского мас-

сового шрифта, то вместо 12-го „Нормаль“ теперь же можно было бы ввести 10-й кегль „Нормаль“ нереформированных арабских шрифтов, что уже дает большую вместимость арабским шрифтам, чем 10-му кеглю русских шрифтов. Это технически вполне возможно сделать и соответствующие шрифты имеются, но проведение этого в массовой печати в крестьянском составе ее читателей у северных турков нерационально, так как крупнота-читаемость шрифта для печатных изданий должна определяться культурным уровнем соответствующего круга читателей. [

Что же касается применения наборных машин в типографиях, то к наборным машинам применимы не только реформированные, но и старые нереформированные арабские шрифты. Так газета „Коммунист“ в Баку набирается нереформированными арабскими шрифтами недавно установленной наборной машиной, выпущенной из Америки. При наборной машине число типографских знаков уже теряет то значение, какое имеется при ручном наборе. Следовательно, при наличии наборных машин отпадает преимущество латинских перед старыми арабскими и в этом отношении. На мелких моментах полиграфической техники, не отражающихся сколько-нибудь заметно на стоимости печатной продукции, мы здесь не оотанавливаемся.

Из всего изложенного видно, что если даже исходить от ныне употребляющихся нереформированных арабских шрифтов и условий полиграфической техники, то в общем не оказывается базиса для кардинальной постановки вопроса о перемене шрифта, не говоря уже о приспособленности арабских шрифтов к реформированию до весьма высоких пределов, ставящих их и в этом отношении выше латинской системы.

تکثیرات مختلفه سبباً از سببهای مختلفه
چون که در این سببها سببها سببها
کونند و نه در این سببها سببها
حرمند سببها سببها سببها سببها
قرار شد سببها سببها سببها
چون که سببها سببها سببها
مگر سببها سببها سببها
سببها سببها سببها سببها
بیشتر است سببها سببها سببها
بالتاماً سببها سببها سببها
تأثیر سببها سببها سببها
تأثیر سببها سببها سببها
حزینت سببها سببها سببها
سببها سببها سببها سببها
سببها سببها سببها سببها

6-й кегль реформированных арабских шрифт. по проекту Г. Шариф.

VIII. О МЕЖДУНАРОДНОСТИ ШРИФТА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ВОПРОСА.

Идеографические и звуковые элементы нашего письма; значение международной в первом и втором случае. О перспективах установления международного языка и письменности. Значение общности шрифта для родственных языков. Вопрос о „революционности“. О культурной ориентации на Запад. Политический анализ вопроса и вопрос о крестьянстве. О судьбах Японского комитета „по введению латинского алфавита“.

В наших письменностях имеются обозначения двойного порядка: во первых, элементы идеографии (1, 2, 3, 215, I, II, V, X, +, —, π, x, y, R, ρ, α, Σ, β, φ, √, ∴, ∵, H₂O, O, Δ, < и т. д.) и 2) слова, написанные буквами, соответствующим звукам, составляющим данное слов в устном произношении. Идеографические элементы нашего письма, не фиксируя звукового состава слова, обозначают только понятия, и каждый народ может читать их на своем языке, своими словами и звуками. В графическом отношении эти элементы исходят, в большинстве случаев, от условных знаков всяких начертаний, некоторые же от начертаний букв греческого, латинского и других алфавитов и письменностей. Так как многие из этих моментов, как цифры для обозначения часов, номинальной стоимости денег, порядковых номеров в различных областях и простейшие математические знаки—имеют массовое значение, то установление в этой области международного единообразия имеет практическое значение, не только для узких специалистов, но и для широких масс населения. Международные арабские и римские цифры, знаки препинания, математические знаки и научные формулы—многими тюркскими народностями, в особенности северными, в значительной степени приняты были еще до революции; за время революции они уже окончательно и полностью установились; в текущем году и основная азербайджанская печать, остающаяся по арабской письменности, начала вводить у себя общепринятые арабские цифры и международные научные формулы, что мы приветствуем, как шаг положительный. И в Турции, кое-какие шаги в этом направлении делаются. Но звуковые элементы письменности, напр. слова «قول، كور، بالار» (кул—рука, кюр—видит, балалар—дети), будем ли обозначать их латинскими или русскими буквами, они одинаково непонятны и чужды для немца, француза, англичанина и русского; при незнакомстве с их значением, все эти слова, обозначенные даже знакомыми буквами, для них являются нероглифами слов, не имею-

щими смысла. Поскольку языки у отдельных народностей остаются разными, постолько общность шрифта почти ничего не дает; а особенности произношения звуков и слов, различные звуковые значения букв, различия в основах морфологии и приемах орфографии, весьма сильно отличающиеся у разных народностей, сводят на нет и то, что остается общим для различных языков по собственным именам и интернациональным словам. Реальных предпосылок для ожидания ликвидации отдельных языков и установления общего международного языка пока не имеется. Если когда нибудь будут таковые предпосылки и международный язык придет, то он придет со своим алфавитом, и не известно, будет ли он латинским, со своими значительными недостатками, или каким либо другим алфавитом, может быть вновь выдуманным и более совершенным; может случиться, что к тому периоду жизни нашей планеты ввиду изменившихся условий жизни и усиленного развития телефона, радио и прочих технических приемов слуховой передачи мысли, совершенно отпадет надобность в письменности и алфавите для массового употребления; во всяком случае, тут всякими гаданиями и утопиями заниматься для время-провождения и изощрения фантазии можно, но класть их результаты в основу разрешения современных практических массовых вопросов не приходится. „Эсперанто“, „Валаяпук“, и другие „международные“ языки—вещи для любителей и для массовой международной не имеют под собой почвы, так как массовый международный язык смог бы создаваться только под влиянием очень многих и сложных факторов общественно-экономического порядка, а не путем кружковщины и идеалистического любительства. Во всяком случае, пока существуют современные условия производства, не говоря уже о крестьянских хозяйствах,—нет никакой почвы для подобного ожидания. Утверждать же, что шрифт и язык тех или иных народностей наиболее культурных, наиболее сильных экономически и политически именно в настоящее время, будет международным и в будущем, также будет гадательным, так как времена меняются, и ранги не остаются на своих местах. Количеством объединяемого населения также нельзя судить об этом, так как китайские иероглифы, не смотря на самый неудобный идеографический характер своих начертаний, объединяют наибольшее по количеству население, второе место занимают латинские шрифты со своими ближайшими разновидностями, третье же место принадлежит арабской системе шрифтов, обслуживающей до 300 миллионов населения земного шара.

Что же касается настоящего времени, то в географическом отношении вокруг основной массы тюркских народностей, ни к северу, ни к востоку, ни к югу от них, не имеется ни одной народности, фактически имеющей массовое употребление латинской си-

стемы; а на западе поляки, пользующиеся латинским шрифтом и принявшие его совместно с католической религией, являясь самой близкой по географическому расположению народностью с письменной культурой на основе латинской системы,—все же находятся на расстоянии несколько тысяч верст от основных территорий тюркских народностей.

Совсем другое значение имеет нерациональность допущения двух систем письменности для одной по языку народности, или для близких и родственных по языку народностей, тем более, если они географически и экономически связаны между собой, ввиду создающегося в противном случае затруднения культурного и экономического общения, где при единой письменности ввиду общности или близости языка, имеется возможность массового обмена культурных ценностей. Таким шрифтом является арабский шрифт для 90% населения тюркских народностей; так что, и в этом отношении, если подходить к вопросу не абстрактно, а реально, то лучше сохранить им арабскую систему; иначе же, гоняясь за международнойностью, не только таковая не достигнется, а создастся такое же положение, как в Баку, где рабочие, ликвидировавшие на ликпунктах свою неграмотность по латинской системе, не только не в состоянии воспользоваться наличными богатствами азербайджанской печати, но даже не могут по своей латинице написать письмо к родителям в деревню и читать получаемые от них, написанные по арабской системе.

С первого взгляда занятие реформой арабского шрифта кажется эволюционизмом, а принятие совершенно нового шрифта шагом революционным, решающим все спорные вопросы шрифта и орфографии, и дающим международный шрифт. Во первых, как показывает практика и существующие проекты у разных тюркских народностей, где имеются сторонники перемены шрифта, предлагаются и принимаются совершенно разные обозначения и разные знаки для недостающих у латинского шрифта 40—50% звуков тюркских языков, даже и у каждой народности имеется несколько различных проектов; этот разнобой как нибудь да надо изживать, а при практическом установлении орфографии, разнобой будет еще больше!). Что же касается более или менее установившегося азербайджан-

¹⁾ Прав проф. Е. Д. Поливанов, когда жалуется на это „вавидонское столпотворение“ и говорит, что осуществление подобных разнообразных проектов латинизации сможет заставить „пожалеть о старом арабском письме“. См Поливанов „Проекты латинизации турецких письменностей СССР“. Ташкент, 1926 г., стр. 5.—Мы в свою очередь прибавляем, что не только этот момент, но в основном, моменты скорости чтения и письма, как моменты массового труда заставляли бы пожалеть об арабском письме, если бы эти народы решились на перемену шрифта.

ского проекта, так называемого „нового тюркского алфавита“ на латинской основе, то он ни в отношении состава знаков, ни в отношении орфографии, не только представителей других тюркских народностей, но и самих азербайджанских латинистов вполне не удовлетворяет, так что все эти пертурбации знаков и орфографий остается еще преодолеть. В случае перемены системы шрифта потребуется еще много времени не только для внедрения в массу, но и для академической проработки вопроса и приведения новой системы в надлежащий вид. С другой стороны, вопрос о революционности и эволюционности действия, вообще, является вопросом тактики, а в данном случае тактики, по отношению к массе всего населения и в особенности к его грамотной активной части. Революционные методы действия приемлемы только в тех случаях, когда они выявляют в жизнь и осуществляют назревшие в массах и находящиеся в состоянии внутреннего брожения вопросы; революционные методы применимы только тогда, когда от неизбежной ломки при их проведении, по крайней мере, в самый момент проведения их, не страдают от них широкие массы населения, в данном случае, хотя бы, весь грамотный актив и вся остальная широкая грамотная масса населения. Из-за подобной же перемены шрифта среди одних тюркских народностей пострадали бы несколько миллионов грамотного населения, не говоря уже о десятках миллионов грамотных у остальных восточных народностей, пользующихся тем же шрифтом, каковые, согласно заявления некоторых латинистов, также должны перейти к латинскому шрифту.

Кроме того о революционности шага можно было бы говорить только в том случае, если бы нововведение после его установления дало бы громадные массовые облегчения и преимущества, каковых мы в данном случае совершенно не видим. Если массовое проведение перемены русского шрифта на латинский является делом трудным, почти невозможным, то не приходится думать, что проведение на востоке перемены арабского шрифта на латинский в массовом отношении будет легче.

Что же касается вопроса о культурной ориентации на Западную Европу, то такая ориентация вещь хорошая и нужная, но она совсем не ставит обязательным перемену шрифта и не требует от тюркских народностей таких жертв, как ломку и перемену всей письменной культуры. Если народы востока являются отсталыми в культурном отношении, то в этом не вина системы шрифта, а вина, точнее беда их общего экономического и политического положения в прошлом. Что же касается вопросов взаимной симпатии и терпимости, то, как показывает история и современность, враждуют и воюют не только народности и государства, имеющие разные шрифты, но и имеющие не только общий шрифт, но и общий язык,

не говоря уже о классовой борьбе у одной и той же народности. Этими симпатиями и антипатиями руководят не такие частные вопросы, как начертания букв, направление строки, а соответствующие экономические и политические интересы.

Трактование вопроса о шрифте в качестве орудия для антирелигиозной борьбы и пропаганды является также борьбой с негодными средствами, так как большая религиозная настроенность крестьянского востока является следствием не шрифта и прочих подобных моментов, а исходит в основном из условий их экономики и политического прошлого; а реально необоснованная постановка вопросов о ломке основных элементов национальной культуры, тем более попытки проведения их в жизнь административными мерами,—совершенно достаточны для значительного усиления настроений религиозного и национального обособления в соответствующих слоях населения.

Когда „латинисты“ сравнивают латинские шрифты с арабскими, при чем при сравнении с точки зрения полиграфической техники первый из них берут в том состоянии, до какого доведена она Западной Европой и Америкой, а арабский шрифт берут в неудачно установленной 400 лет тому назад венецианской и французской форме или по подобным ей анахронизмам, без учета уже достигнутых и достигаемых усовершенствований, при сравнении же скорости обучения для латинского шрифта исходят из примеров последних достижений педагогической мысли, а для арабского из примеров преподавания по ней захолустными допотопными методами, а в части орфографии, латинский связывают с фонетической транскрипцией, беря примеры для арабского шрифта из хаотичных и нерациональных остальных орфографий, являющихся остатками прошлого, и на основе этих сравнений делают заключение в пользу латинской системы шрифтов,—то приходится призвать их к большей наблюдательности, по крайней мере, к тому, что уже достигнуто в тех или иных отношениях у различных тюркских народностей, не смотря на их условия исторического развития, не говоря уже о возможных достижениях, исходящих из объективного теоретического анализа вопроса.

Конечно хорошо было бы, чтобы востоковеды Запада и СССР могли вести весьма нужные и самим тюркским народностям научные работы по их языкам и культуре непосредственно по массовым изданиям этих народностей, не прибегая к изучению другого шрифта, тем более, если и практическая орфография тюркских народностей была бы близкой к академической транскрипции. Но, ведь, не массы же должны приспособляться к удобствам отдельных лиц, а наоборот. То же соображение остается в силе и для тех, кто говорит о пользе принятия латинского алфавита при введении в гос-

учреждениях местных языков для того, чтобы в автономных национальных республиках и областях русским служащим легче было бы изучить соответствующие местные тюркские языки.

Латинисты часто заявляют¹⁾ о том, что по вопросу о введении латинского шрифта т. Ленин, будто бы, сказал: „Это революция на востоке!“ А вот как это было сказано, судя по подробному сообщению об этом диалоге с т. Лениным, приведенном в предисловии к брошюре руководителя азербайджанских латинистов пред. АзЦИК'а т. Агамалы-Оглы. Выслушав рассказ Агамалы-Оглы о плохой орфографии и недостатках арабской системы, и о принятии азербайджанцами латинской системы шрифтов, тов. Ленин задал собеседнику вопрос: „А как относятся крестьяне к этому?“. После ответа Агамалы-Оглы о *доброжелательном* отношении крестьянства к этому, тов. Ленин кратко произнес: „Это революция на востоке“²⁾. Здесь политический анализ и мнение т. Ленина по этому вопросу заключается не в последней краткой фразе, а в его вопросе: „А как относится к этому крестьянство?“ ибо 95% населения тюркских народностей составляет крестьянская масса. Разрешите спросить, рассказывая о преимуществах латинского шрифта и отвечая на вопрос т. Ленина о благожелательном отношении крестьянства, т. Агамалы-Оглы не был ли сам введен в заблуждение как об ожидаемых выгодах от нововведения, так и об отношении крестьянства к данному вопросу. Дает же мне право ставить этот вопрос ознакомление с наличными в Азербайджане печатными изданиями по защите латинского алфавита, очень много говорящими о фактически несуществующих выгодах принятия латинского шрифта, на что было указано уже и в самой Азербайджанской печати (я имею здесь в виду серьезную рецензию Мухеддин-Бея в журнале „Маариф в Мадабият“ за 1923 г. № 10—11, на работу одного из наиболее плодотворных в этом отношении латинистов Азербайджана Ф. Агазада). Для выяснения отношения населения к этому вопросу весьма показательны сообщения самого Ф. Агазада об отношении бакинских промышленных рабочих к ликвидации среди них безграмотности по латыни и возникавших при этом инцидентах³⁾; все это происходило, несмотря на то, что в Баку, не только при Агамалы-Оглы, но уже и при мусаватистах была проведена некоторая подготовка общественного мнения по этому вопросу. Если так относятся к этому

¹⁾ См. напр. статью Н. Тюркулова в сборнике „В борьбе за новый тюркский алфавит“ стр. 19, а также в ряде газетных и журнальных статей.

²⁾ См. Агамалы-Оглы—„Неотложные культурные нужды тюркских народностей“ Баку, 1925. Предисловие, стр. 3—4.

³⁾ См. Агазада „История возникновения нового тюркского алфавита в АзССР“—стр. 21—26.

рабочие, то может ли относиться лучше крестьянская масса. Поэтому решительное заявление о *доброжелательном* отношении крестьянства к замене существующего шрифта на латинский, по меньшей мере, является преждевременным, и недостаточно проверенным, поскольку можно судить по культурной и прочей отсталости крестьянства тюркских народностей и, в особенности, крестьянства Азербайджана, причины каковой заключаются во всяком случае не в шрифте, а, как мы указывали, глубже и носят социальный характер.

Действуя только по пути кажущейся революционности, внешней интернациональности и западничества принятия латинского шрифта, можно очутиться в положении Японского Комитета по введению латинской письменности, истратившего на это дело массу энергии, достойной более положительного применения, а также убившего на него до 90 миллионов фунтов стерлингов денег, и в конце концов, почти через 20 лет существования обанкротившегося и прекратившего свое существование в 1914 г.¹⁾

¹⁾ См. статью Мухеддин-Бея в Бакинском журнале «معارف و معاشيت» 1923 г. № 11 стр. 42. Здесь же сообщается, что Бакинские латинисты — Агазада и др. — первоначально в своих статьях и брошюрах утверждали, что, дескать, и японцы приняли латинский алфавит; но когда выяснилось, что японцы и теперь пишут своим особым письмом, похожим по внешности на китайские иероглифы, но частью на звуковой, частью на слоговой основе, то они же стали утверждать, что японцы, чтобы принять европейскую культуру, сначала приняли латинский алфавит; овладев же этой культурой, снова будто бы перешли к своим японским шрифтам. Подобные „приемы“ агитации конечно смешны, но наличие для них почвы уже печально. «Утка» о принятии японцами латинского шрифта повторяется отдельными латинистами и других тюркских народностей, в том числе турецким латинистом Абдулла Джевет. Последний, кроме того, латинский алфавит отождествляет с хеттскими (Siel) письменами, а хеттитов он считает тюркской народностью; отсюда он делает вывод, что латинский алфавит является „самым национальнейшим алфавитом тюркских народностей“. В общем, много „курьезных“ вещей имеется в писаниях латинистов.

IX. ИСТОРИЯ И КОРНИ „ЛАТИНИЗМА“.

Сторонники „латинизации“ арабского шрифта и сторонники принятия самого латинского алфавита. Ф. Ахундов и его исходные позиции. Латинизм и ромаянтям. Сторонники латинизации арабского шрифта в России и Турции. Сторонники принятия русского и других шрифтов. Латинизм в Азербайджане во времена мусаватистов и позже. Латинисты у других тюркских народностей. Исходные моменты латинизма. Перспективы латинизма. Литература латинизма.

Были латинисты двух толков. Первые из них, не выступая за принятие самого латинского шрифта, предлагали арабские шрифты изменить коренным образом, подгоняя их в различных отношениях к особенностям латинской системы шрифтов; эту группу можно назвать „сторонниками латинизации арабского шрифта“. Вторая же группа предлагала совершенно оставить арабские шрифты и принять вместо них латинские. Родоначальником той и другой группы, т. е. выступившим впервые среди тюркских народностей и с первым и со вторым предложением, является азербайджанский драматург Фатх-Али Ахундов¹⁾, выступавший со своими предложениями, начиная с 1857 года. Он вначале предлагал только латинизацию арабского шрифта (установление не соединяющихся букв для типографий, частичное сокращение точек, введение отличия в типографских и рукописных шрифтах, выпрямление линий, установление системы гласных по методу письменностей с латинским шрифтом и т. п.). Встретив неудачу, Ахундов отказался от этого предложения и перешел на точку зрения необходимости принятия основного латинского алфавита. Не встречая на родине положительного отношения сородичей к своим предложениям, Ахундов был командирован в Константинополь, где он при помощи русского посольства проект свой представил турецкому правительству того времени, и сделал несколько выступлений в турецкой печати; но эти выступления были отпарированы такими крупными авторитетами того времени, как Намык-Кемаль, Абу-Зия-Гевфик и Шенаси, являющимися основателями новейшей турецкой литературы и национальной общестственности; проекты не имели успеха в обществе, турецкое прави-

¹⁾ Ф. Ахундов родился в 1812 г. и умер в 1878 г. С 1834 г. до своей смерти служил при Кавказском наместнике. Им написаны 7 комедий на азербайджанском наречии и много стихов на азербайджанском и персидском языках. Подробнее о его деятельности, см. Ф. Кочарлинский „Материалы по истории азербайджанской литературы“. Баку, 1925 г. — *فردینون دات کوجهرلی — آذربایجان ادبیاتی تاریخی مائیرینالاری*. т. I ч. II, стр. 468—514.

тельство, после обсуждения проектов в особой правительственной комиссии, также не приняло их, ограничившись награждением высокопокровительствуемого составителя проекта особым орденом¹⁾. Проект был послан в Персию, где также не имел успеха. Несколько позднее персидский посол в Англии Мирза Маликум-Хан, армянин по происхождению, в своих брошюрах на персидском языке „Шайх-и-Вазир“ и „Мабда-и-Таракки“ (Начало прогресса) выступил в защиту позиций Ахундова, но и это не помогло. Исходные мысли Ахундова им самим излагаются в следующем виде: „Основной причиной отсталости мусульманских народностей является система нашего письма... Если бы мы переменяли направление строки в письме, начали бы писать слева направо и самые начертания букв приблизили бы к европейскому алфавиту, то мы, мусульманские народности, в культурном отношении были бы даже впереди европейцев, так как основное зерно просвещения и культуры раньше находилось в мусульманском государстве (у арабов), но, не имея возможности распространения в различных слоях населения, знание и просвещение зачахли, а у европейцев же, благодаря легкости их алфавита, культура распространилась и расцвела“²⁾. Ф. Ахундов арабскую систему письма, ввиду не полного указания в орфографии того времени гласных, считает письмом силлабическим, а латинский „алфавитным“. Вообще, его точка зрения сводится к описанию культурных достижений Европы, к зависти к этим достижениям, приписыванию всего культурно-политического, экономического, даже и военного могущества Европы и соответствующую отсталость мусульманского востока во всех этих областях—почти исключительно той или другой системе алфавита; единственным исходным путем для культурного развития востока указывается перемена алфавита. Точка зрения, конечно, больше, чем наивная; но эта точка зрения, несмотря на свою наивность, все же в той или иной редакции, с теми или иными оговорками, повторяется очень многими дальнейшими латинистами, вплоть до наших дней, включая и многих латинистов-коммунистов, как Агамалы-Оглы и др.³⁾. Итак, одним из основных корней латинизма является куль-

1) См. Автобиографию Ф. Ахундова, приведенную в „Материалах истории азербейджанской литературы“ Ф. Кочерлинского т. I ч II, а также книгу Агазада «...» стр. 150—158.

2) Ф. Кочарлинский „Мирза Фатх-Али Ахундов“ стр. 20—21.

3) Т. Мимавели, в своей рецензии на книгу „В борьбе за новый алфавит“ пишет: „Большинство латинистов, несмотря на марксистическую фразеологию, подходят к вопросу идеалистически“. По поводу слов Навширванова о том, что—к интернационалу, к сближению с культурным миром широких пролетарских масс народов Востока приведет переход к латинскому шрифту,—Т. Мимавели пишет: „Это, конечно, в корне неверно. К интернационалу можно подойти и с арабским и с монгольским алфавитом“. (См. журнал „Книговоша“ № 19, за Май 1926 г. стр. 17—18).

турно-экономическое и политическое могущество запада и соответствующая слабость мусульманского востока, стремление „алфавитным прыжком“ встать, хотя б в отношении письменности, на ряду с этими всеильными странами, сродниться с ними, снискать у них снисхождение к себе, ликвидировать таким путем и свою отчужденность. Точка зрения весьма романтичная, чем и объясняется, что вопросы латинизации арабского шрифта, а также принятия латинского алфавита защиту себе среди тюркских народностей находили до революции, главным образом, как дальше увидим, в рядах поэтов и, вообще, среди идеалистически и романтически настроенных элементов.

Последователями Ф. Ахундова в направлении латинизации арабских шрифтов, путем приближения их начертаний в той или иной степени к латинским, с сохранением направления строки справа налево—были: Мухамед-Ага-Шахтахинский на Кавказе ¹⁾, Исма'ил-Хакки Миласлы в Турции ²⁾, братья Рамеевы в Оренбурге ³⁾, И. Н. Харитонов ⁴⁾ и А. Мустафа ⁵⁾ в Казани и некоторые другие. Так как все эти проекты совершенно меняли характер графики арабских шрифтов, а напечатанное и написанное по ним, исходя из прежних навыков процесса чтения, невозможно было читать, то все эти проекты приходится рассматривать не в виде реформы арабских шрифтов, а как перемену системы шрифта. Ни один из авторов этих проектов не дал серьезного теоретического обоснования своего проекта. Все эти проекты, являясь, в случае их проведения в жизнь, крупной ломкой в культурной жизни общества, теряя основные преимущества арабского шрифта по быстроте чтения и стенографичности письма, взамен их ничего не давали и фактически явля-

¹⁾ Редактор и издатель газеты „Шарки-рус“ (شرقي روس), впоследствии сотрудник монархических газет „Россия“ и „Новое Время“.

²⁾ Проект Исма'ил-Хакки одно время имел большой успех среди военной аристократии Турции; этот проект в то время Эивер-Пашой был введен особым приказом по войскам для ликвидации неграмотности среди солдат и для военных донесений, но когда практика показала всю нежизненность этого проекта, приказ о „новом турецком алфавите“ был отменен, и совершенно потерял сторонников.

³⁾ Проект золотопромышленников Рамеевых, издателей в то время газеты „Вакт“ (وقت) является наиболее красивым из всех проектов этого порядка по своему исполнению, но он тоже не имел практического успеха. Этот же проект лег в основу последующего проекта Харитонова. Один из этих Рамеевых писал довольно талантливые стихи под псевдонимом „Дардеменд“ (داردمند).

⁴⁾ Владелец крупной типографии и словолитни в Казани, русский, дал массу равнообразных и хорошо исполненных рисунков латинизированных арабских букв как для типографских шрифтов, так и для курсива и рукописи; эти проекты, как и два предыдущих, появились в 1912—14 гг.

⁵⁾ Казанский мулла, взявший в своих образцах за основу проект Исма'ил-Хакки в Турции, несколько видоизменивши его (1918—19 г.).

лись плодом досужего прожектерства. Ни один из них не получил широкого общественного интереса, если не считать временного модного увлечения константинопольских военных и прочих аристократических кругов проектом Исма'ил-Хакки¹⁾. Проекты подобной „латинизации“ арабских шрифтов получили подробный критический разбор с нашей стороны на Всероссийской Конференции по вопросам орфографии тюркских народностей в Казани в 1919 г. В последние годы уже совершенно не появлялись печатные выступления сторонников подобной постановки вопроса. Ввиду потери практического интереса этих проектов, мы на подробном критическом анализе их здесь останавливаться не будем.

Переходя же к предложениям о полной замене арабских какой либо другой системой шрифтов, начнем с выступлений за принятие для тюркских народностей русского шрифта. Из среды самих тюркских народностей, пользующихся арабским шрифтом, в этом направлении печатно выступали и вели практическую работу два представителя: первый из них—И. А. Алтынсарин—ордынский киргиз, выпустивший буквари и хрестоматия для казак-киргизских школ на киргизском языке с русской транскрипцией²⁾, а второй—Мстислав Кулаев³⁾, выпустивший для башкир букварь в русской же транскрипции. Оба эти выступления окончились без практических результатов. Выступления же русских миссионеров вроде Ильминского, Победоносцева и Яковлева, а также попытки царского правительства ввести среди тюркских народностей русский

1) Деятельность, состав и подходы специального общества, созданного для пропаганды этого проекта, отразились в недолго просуществовавшем специальном печатном органе общества, под названием „Ени йазы“ (новое письмо), Константинополь 1914 г. Мы имеем в своих руках только первые 10 номеров этой газеты «*دینی یازی*» за период март, апрель и май. Здесь помещаются протоколы общества, портреты его членов, лестные мнения высокопоставленных лиц о проекте „реформы“ и т. п.

2) Алтынсарин—внук известного киргизского бия-старшины Балгожы Ямгурчина. Родился в 1841 г., умер в 1889 г. Он начал свою карьеру с младшего толмача-переводчика при Оренбургском Областном Правлении. Потом был произведен в хорунжие, затем дослужил до статского советника. Работая под покровительством Ильминского и местных губернаторов, он вел кипучую деятельность в направлении введения русского шрифта для казак-киргизского языка, но практических результатов не имел. После смерти Алтынсарина сам Ильминский выпустил посвященную его памяти книгу в 396 страниц, под названием „Воспоминания об И. А. Алтынсарине“ Казань 1891 г. Этот „труд“ Ильминского кончается словами: „Одно могу сказать; что это был справедливый, честный во всех отношениях и добрейший человек. Грустно становится, когда вспомнишь, что он кончил свою жизнь во мраке магометанства, а как блинок он был к христианству. Но судьбы божии неисповедимы“.

3) Крещеный башкир-врач, выпустил букварь для башкир в русской транскрипции под названием „Альпей“—в 1918 г.

шрифт административными мерами, в виде правил 31 марта 1906 г., среди этих народностей не имели иных практических последствий, кроме взрывов фанатизма и вражды, и без того достаточно укоренившихся среди мусульманских народностей в результате необузданной деятельности миссионерства. В настоящее же время среди самих тюркских народностей, пользующихся арабским алфавитом совершенно не имеется сторонников перехода к русской письменности, по крайней мере, не имеется соответствующих печатных выступлений. Что же касается выступлений со стороны, напр. статьи Жиркова и Яковлева³⁾, ставящих во многих отношениях русские шрифты выше латинских, то они и сами отмечают, что „русские шрифты, благодаря их распространению через миссионерские школы, получили неприятный для национального чувства привкус руссофикаторства и насильственной денационализации“ и поэтому они не могут быть выдвинуты „по отношению к народам с культурно-религиозной отчужденностью от русской национальности или к народам, выдвинувшим уже свой национальный пролетариат, буржуазия и интеллигенцию“. Не останавливаясь на эпизодического характера предложениях, вроде предложения одного из бакинских профессоров о введении для тюркских языков церковно-славянского шрифта, основанного на богатстве графических изображений, или подобных же предложениях о принятии армянского и грузинского шрифтов, переходим к основному современному предложению, имеющему практический и общественный интерес, именно к предложению о принятии, вместо арабской, латинской системы шрифтов.

У азербайджанцев, как указано выше, первым и единственным лицом печатно выступавшим до революции по вопросу о принятии латинского шрифта был драматург Фатх-Али Ахундов. Вплоть до самой революции на юге России других заметных выступлений за принятие латинского шрифта не было, если не считать выступлений упомянутого выше Шахтагинского, перешедшего от позиции латинизации арабских шрифтов, также к позиции принятия самих латинских шрифтов. По крайней мере, на первом и втором съездах азербайджанских учителей, происходивших до революции, эта точка зрения совершенно не всплывала. После февральской революции в Азербайджане во время господства мусаватистов движение за принятие латинского шрифта усилилось в кругах местной правительственной интеллигенции, приняв особенно широкие размеры в период английского десанта в Баку; к этому периоду относится создание специальной правительственной комиссии мусаватистов по

³⁾ См. Статью Н. Яковлева „Проблемы национальной письменности восточных народов СССР“. Журнал „Новый Восток“ № 10—11 за 1925 г., а также статью Л. Жиркова „К реформе алфавита восточных народностей“. Там же.

разработке этого вопроса, принявшей постановление о введении в Азербайджанской Демократической Республике латинского шрифта; к этому же периоду относится издание первого букваря для азербайджанского языка с латинским шрифтом, под названием „Новая тюркская азбука“. Разработанный этой комиссией законопроект был представлен в Азербайджанский национальный парламент, но последний не успел принять его, ввиду состоявшегося 28 апреля 1920 года Советского переворота и изгнания мусаватистов. Я не имею достаточных данных, определяющих степень влияния на такую кардинальную постановку вопроса о переходе к латинскому шрифту в эпоху мусаватистов наличия в то время в Азербайджане английского дессанта. Среди же самой азербайджанской правительственной интеллигенции того времени этот вопрос имел некоторую почву, что имеет об'яснения социального характера, на которых мы здесь не хотим останавливаться. Итак, в мусаватистских правительственных и общественных кругах движение за принятие латинского шрифта имело значительное количество сторонников, и облечение этого вопроса в законодательную форму, как утверждает виднейший теоретик азербайджанских латинистов Ф. Агазада, не успело осуществиться благодаря Советскому перевороту в Азербайджане ¹⁾.

В Баку латинское движение снова возникает в 1922 г. и, постепенно расширяясь, доходит до издания правительственных постановлений, предусматривающих частичное введение преподавания латинского алфавита в школах первой ступени, употребления в госучреждениях, ликвидацию неграмотности по латинице и обязательность писать по ней же на вывесках. Там осуществлено, хотя в незначительном пока размере, и издательство по латинице.

Что же касается Турции, то здесь, как на лицо, стоявшее за принятие латинского шрифта еще до революции, можно указать на писателя Джелаль-Сагир, высказывавшегося по этому вопросу только попутно. В эпоху Европейской войны одно время в кругах Константинопольского университета вопрос о принятии латинского шрифта обсуждался, но был отвергнут. В самые последние годы отметим в Турции выступления Омар-Тахсина и наличие определенной группы среди турецкой интеллигенции за принятие латинского шрифта. Турецкие газеты „Джумгурият“ и „Хакимияти-Миллия“ и теперь в некоторой степени поддерживают принятие латинского шрифта, но большинство турецких газет выступают против подобного шага.

Среди северных тюркских народностей, единственным голосом за принятие латинского шрифта, появившимся в печати до револю-

¹⁾ Ф. Агазада „Почему арабские шрифты не годятся для тюркского народа“ Баку, 1923 г. Стр. 174—175.

ции, является выступление в 1911 г. в Астраханской газете „Идиль“ татарского поэта-индивидуалиста и романтика Сагида-Рамеева ¹⁾. Других заметных выступлений за принятие латинского шрифта среди тюркских народностей Европейской России, Сибири и Туркестана не было. Только в последние годы, в особенности, в связи с усилением латинского движения в Азербайджане, появились почти у всех тюркских народностей более или менее значительные группы, в особенности, из молодежи, стоящие за принятие латинского шрифта. Корни этого увлечения латинизмом повсеместно кроются в кажущейся революционности перемены шрифта, внешней интернациональности латинского шрифта, кажущейся антирелигиозности борьбы против арабского шрифта, общего у мусульманских народностей, в наличии, хотя и не значительных по численности, групп партийной и беспартийной интеллигенции, неграмотных или малограмотных на родном языке, не связанных или мало связанных с низовыми рабочими и, в особенности, крестьянскими массами соответствующих народностей. Тут, конечно, значительную роль играет, кроме романтически-идеалистических, агитационных и прочих указанных моментов, также не полная установленность рациональной орфографии у части тюркских народностей, некоторые уступающие качества старых нереформированных арабских шрифтов в отношении полиграфической техники латинским и, вообще, недостаточное еще развитие приспособления арабского шрифта к более высоким усовершенствованиям современной техники. Проводимая реформа арабской системы и все усиливающееся и развивающееся в связи с культурным и экономическим развитием тюркских народностей приспособление арабских шрифтов к более высоким формам полиграфической техники, а также начавшаяся реформа орфографий у отставшей в этом отношении части тюркских народностей—все это должно ликвидировать последние реальные корни латинизма; а с каждым днем развивающаяся письменная культура, рост школ и процента грамотности на родном языке, рост общественности и прочие факторы культурно-экономического и политического развития—приведут к невозможности и постановки вопроса о переходе к латинице, не только со стороны лиц, происходящих из тюркской среды, но и извне.

Для интересующихся, мы сообщаем список основной печатной литературы в защиту принятия латинского шрифта, вышедшей до мая 1926 г. Вся она, за исключением первой книги, издана на русском языке. Мелкие газетные и журнальные статьи как на рус-

¹⁾ Этот Рамеев в последнее время жил в Уфе и принимал деятельное участие в работах комитета латинистов Башкирии.

ском, так и на тюркских языках мы в список не включили. Эта литература сводится к следующим изданиям:

1. Агазада-Ферхад— „Почему арабские шрифты не годятся для тюркского языка?“—Баку, 1923 г. 200 стр. на азербайдж. наречии. Здесь же в конце приведен список старой литературы по этому вопросу.

2. „В борьбе за новый тюркский алфавит“. Сборник статей: С. Агамалы-Оглы, Г. Бройдо, Л. Жиркова, З. Навширванова, М. Павловича, Н. Тюрякулова и Н. Яковлева—под общей редакцией М. Павловича, издание Научной Ассоциации Востоковедения—Москва, 1925 г.—69 стр.

3. Агамалы-Оглы „Неотложные культурные нужды тюрко-татарских народов“ Баку 1925 г. 88 стр. К этой брошюре приложены статьи бакинских профессоров П. К. Жузе „К истории арабского шрифта“ и Н. И. Ашмарина „О старом и новом алфавите“.

4. Ф. Агазада „История возникновения нового тюркского алфавита в АзССР“—Баку, 1926 г. 60 стр.

5. Бюллетень организационной комиссии по созову I Всесоюзного Тюркологического Съезда № 1 и 3—Баку 1926 г., где помещены по этому вопросу статьи и тезисы М. Павловича, Мелик-Асланова, Х. Муштари, Л. Жиркова и К. Тынстанова.

6. Проф. Е. Д. Поливанов „Проекты латинизации турецких письменностей“ Ташкент, 1926 г. 22 стр.

Х. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ.

Арабские шрифты в большей степени благоприятствуют процессу чтения и письма, потому дают в этих массовых процессах повседневного труда всего грамотного населения большую скорость, чем латинская система.

В отношении обучения грамоте и массового распространения грамотности, в случае употребления естественных и педагогических современных методов преподавания, по своим объективным качествам арабская система более удобна, чем латинская система; если же употреблять нерациональные методы преподавания, то при всякой системе шрифта дело обучения грамоте может затягиваться и тормозиться; тут система шрифта непричем.

В отношении типографской техники и стоимости печатной продукции старая французско-венецианская форма арабского шрифта несколько уступает латинским. Но венецианскую форму нужно считать технической неудачей, неумелым применением.

Арабские шрифты, почти не ломая создавшихся уже навыков чтения и письма, способны реформироваться до такого предела, какой объективные их качества ставит выше соответствующих качеств общеупотребительной латинской системы как в отношении типографской техники, так и в отношении вместимости и читаемости текста. Способность арабского шрифта реформироваться совершенно безболезненно в отношении широкой массы грамотного населения — уже практически доказана. Окончательное техническое установление деталей рисунка и массовое распространение этих реформированных шрифтов, дело только ближайших одного-двух лет времени. Конечно, в некоторых отношениях, напр., в отношении ликвидации объективно бесполезных заглавных букв, сближения массового печатного шрифта с рукописным курсивом и т. п., — и латинские шрифты способны реформироваться; но такая реформа последних при принятии их тюркскими народностями в соответствующей степени ослабит основной исходный момент латинистов о международности и интернациональности системы, и без того остающейся куцой, ввиду удовлетворения основным общепринятым латинским алфавитом только половины звуков тюркских языков.

Что касается приспособлений к пишущим и наборным машинам и т. п., то приспособляемость арабской системы к ним не только в реформированном, но и в старом виде доказана практикой. Если они недостаточно распространены или некоторые из них недостаточно усовершенствованы, то это зависит от культурно-экономической слабости пользующихся этим шрифтом народностей, следовательно, недостатком или совершенным отсутствием до сих пор спроса на них, так как в области техники только спрос создает предложения.

Буквенный состав алфавита арабской системы в том виде, как он употребляется у татар, казак-киргизов и некоторых других тюркских народностей — полностью удовлетворяет потребностям практической орфографии, близкой к фонетической; в целом, за незначительными исключениями, этот алфавит единообразно применяется у различных тюркских народностей. Оставаясь в графическом отношении в пределах системы, на основе арабского же шрифта можно создать не только любой точности практическую орфографию, но и фонетическую транскрипцию.

Итак прямые массовые качества той и другой системы совершенно не дают базы для постановки вопроса о перемене шрифта.

Что же касается косвенных качеств систем шрифтов, т. е. получения переменной шрифта возможности приобщения к богатствам письменной культуры тех или иных европейских народностей, то при отсутствии единства и близости языков, в этом

направлении почти ничего не достигается. Географическая разобщенность тысячеверстными расстояниями не оставляет почвы для ожидания массового взаимного общения с западом и в сколь-нибудь близком будущем. Конечно, если бы на всей нашей планете был бы единый язык с единой системой письма—это было бы совсем хорошо. Если народы земного шара, хотя бы оставаясь в разных языках, все же имели общую для всех систему шрифтов—это тоже в частных и отдельных случаях имело бы известные удобства. Но ведь при разрешении массовых вопросов приходится исходить не из „если бы, да как бы“ и не из частных случаев, а из наличной реальной общей массовой жизни. На принятие жизнью и массой, поскольку таковое, как в данном случае, зависит от самой массы, могут рассчитывать только те предложения, которые исходят из реальной обстановки и имеют для данной конкретной массы в целом больше положительных, чем отрицательных результатов. Перемена тюркскими народностями ныне употребляемой ими арабской системы шрифтов на латинскую,—низводя и практически на степень народностей бесписьменных, требуя от них относительно громадной массовой энергии и средств,—в результате все же реального ничего почти не дает. Потому тюркские народы этот шаг, способный только задержать на значительное количество лет их культурное развитие, не сделают; а если, где подобные попытки и делаются, то, по всем нашим расчетам из общей обстановки, повторится только злосчастная история обанкротившегося японского комитета „по введению латинского алфавита“, конечно, в меньшем масштабе:

ГАЛИМДЖАН ШАРАФ

К ВОПРОСУ
О ПРИНЯТИИ ДЛЯ ТЮРКСКИХ НАРОДНОСТЕЙ
ЛАТИНСКОГО ШРИФТА

Отд. оттиски из № 5 „Вестника Научн. О-ва Татароведения“.

Татарская Соц. Сов. Республика
Казань — 1926 г.

